

INSPIRIA

ЭЛЕГИЯ СМЕРТИ

АБСОЛЮТНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР В КИТАЕ

ШЖОУ ХАОХУЭЙ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Китай

Чжоу Хаохуэй
Элегия смерти

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.581-312.4

ББК 84(5Кит)-44

Хаохуэй Ч.

Элегия смерти / Ч. Хаохуэй — «Эксмо», 2016 — (Ток. Национальный бестселлер. Китай)

ISBN 978-5-04-191014-3

Абсолютный бестселлер в Китае. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ. Серийный убийца-палач из города Чэнду, известный всему Китаю под именем Эвмениды, пойман, осужден и заключен в тюрьму строгого режима. Бежать отсюда невозможно, а своих людей у него здесь нет. Зато они остались на воле — и кое-что ему должны... ЕГО НЕ УДЕРЖАТЬ. Убийца не собирается отбывать весь срок в этих застенках. У него еще много дел на свободе — война за справедливость (как он ее видит) не закончена. И не закончится никогда. Он строит хитроумный план побега, в который вовлечены самые разные люди... НО ЛОВУШКА УЖЕ РАССТАВЛЕНА. У Эвменид есть лишь одно слабое место — он полюбил слепую девушку-скрипачку и стремится встретиться с ней как можно скорее. Это отлично знает капитан полиции Ло Фэй — и строит свой собственный план. Теперь серийщик не отделается сроком в тюрьме. Эвмениды любит музыку? Отлично. Ло Фэй сыграет для него элегию смерти... «Романы Чжоу Хаохуэя сделали его культовой фигурой китайской литературы». — The New York Times «Серийные убийцы встречаются в остросюжетной литературе постоянно, но мало кто из них настолько терпелив и хитроумен, как этот...» — Sunday Times «Дьявольски изобретательно». — Wall Street Journal

УДК 821.581-312.4

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-191014-3

© Хаохуэй Ч., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Чжоу Хаохуэй Элегия смерти

**Zhou Haohui ###
Elegy**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2016 by ### (Zhou Haohui). Russian translation rights authorized by China Educational Publications Import Export Corporation Ltd. All Rights Reserved

© Тора С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Пролог

Ресторан «Люйянчунь» славился на весь Чэнду стильными интерьерами и изысканным меню. Но даже аппетитные ароматы не могли отвлечь от мыслей, кружащихся среди нот и волнующих воспоминаний.

Все-таки музыка – волшебный язык, не знающий преград и барьеров.

Сегодня музыка растрогала исполнительницу едва ли не больше слушателей. Она играла, слегка прикусив губу и закрыв глаза, словно вместо тонких струн в скрипке были натянуты ее чувства.

Элегия¹.

Одно из лучших произведений Шопена. Раньше она редко его исполняла – боялась, что фортепианная партитура, переложенная на скрипку, утратит свое очарование. Теперь ясно – она ошибалась. Если по-настоящему глубоко понимать музыкальный рисунок, разница в звучании инструментов ничуть не уменьшит силу высказывания.

Когда смолкла последняя нота, на мгновение повисла тишина. Затем стали раздаваться отдельные несмелые хлопки, постепенно переросшие в громкие аплодисменты. Гул нарастал, но девушка, словно погрузившись в транс, продолжала сидеть неподвижно.

Никакие овации не могли бы сейчас соперничать с нежным ароматом одной лилии.

Вскоре аплодисменты начали стихать. На сцену вышел официант и легко коснулся плеча девушки.

– Я вас провожу. Тот, кого вы ждали, сегодня не явился.

В широко распахнутых глазах девушки читалось отчаяние, однако большие зрачки остались безжизненными. Она устремила невидящий взгляд в сторону одного из столиков ресторана.

На ее лице застыло выражение боли и растерянности².

¹ Имеется в виду этюд № 3 (Étude Op. 10, No. 3), который также называют «Прощальный вальс» или «Прощание». – *Здесь и далее прим. пер.*

² Здесь и далее: все события прошлого, на которые опирается повествование автора, описаны в его романах «Письма смерти» и «Знаки судьбы».

Глава 1

Тюрьма

30 марта 2003 года

Тюрьма города Чэнду

Становилось теплее, появлялись первые цветы, и яркий солнечный свет разливался по земле, пробуждая все живое. День выдался прекрасный. Впрочем, даже под прозрачным голубым небом оставались уголки, куда не могло добраться солнце.

Свет заслоняла высокая стена, неприступная, сложенная из камней в полметра шириной. На ней холодно мерцала колючая проволока под напряжением – она удерживала цветущую весну снаружи, а мрачную зиму внутри.

За стеной лежали окраины города: несколько домишек среди полей. Вдруг по узкой дороге к южному краю стены подъехал сине-белый фургон. Вооруженный полицейский спрыгнул с пассажирского сиденья и направился ко входу, сжимая в руке какие-то документы. Вскоре он оказался у массивных стальных ворот; на табличке рядом с ними жирными черными буквами значилось: «Тюрьма № 1 города Чэнду».

Полицейский показал документы охраннику и прошел через ближайшую боковую дверь. Спустя десять минут медленно открылись главные ворота, и полицейский вернулся к машине. Снова усевшись на пассажирское сиденье, он сказал:

– С бумагами я закончил. Едем в четвертую тюрьму строгого режима.

Водитель вывел фургон через ворота, и те тут же закрылись с глухим лязгом, отрезая солнечные лучи.

В кузове фургона сидели на скамейках восемь осужденных, в наручниках и кандалах, с бритыми головами; их сопровождали двое вооруженных до зубов полицейских. На звук захлопывающихся ворот один из арестантов, парень в очках, оторвал глаза от пола и попытался выглянуть в окно.

– Куда смотришь? – рявкнул конвоир. – Голову вниз!

Молодой человек поспешно опустил взгляд.

Скоро вдоль дороги потянулись ряды домов. Водитель, судя по всему, хорошо знал маршрут и уверенно петлял по улочкам, пока не остановился у стоящей посреди пустыря многоэтажки. Она походила на металлический ящик тусклого серого цвета: монотонность унылого фасада нарушали лишь несколько крошечных окон, все с железными решетками.

К фургону подошли трое охранников.

– Снимайте кандалы, берите свои вещи и на выход. Построиться! – скомандовал один из конвоиров.

Он открыл дверцу и спрыгнул на землю, затем бросил связку ключей к ногам арестантов. Те выполнили приказ: сняли кандалы, схватили свои сумки и выстроились в шеренгу позади машины. Парень в очках растерянно смотрел на мрачное, похожее на гробницу здание. Щуплый и узкоплечий, он резко выделялся среди крепких коренастых мужчин.

Конвоиры обменялись с тюремными охранниками парой шуток и вскоре уехали, оставив привезенный груз коллегам. В троице охранников лидером явно был тот, что стоял посередине: на вид около тридцати пяти, невысокого роста, но хорошо сложенный и энергичный. Его тигриные глаза со вздернутыми вверх внешними уголками смотрели пронизательно и спокойно.

Когда он обвел взглядом новых подопечных, все они как один опустили головы.

– За мной. Строй не нарушать.

Ослушаться никто не посмел. Полицейские направились к зданию, осужденные последовали за ними. Железная дверь в юго-восточном углу открывалась в узкий коридор, и только пройдя по нему и дважды повернув, они наконец попали в здание.

Перед вошедшими лежал длинный холл размером с три баскетбольных площадки. Его опоясывали на четырех этажах коридоры, вдоль которых размещались камеры. Света от нескольких маленьких окон не хватало, поэтому даже днем тут горели лампы.

В окошках на дверях камер одно за другим появлялись лица – заключенные хотели поглазеть на новичков. Многие проводили здесь уже не первый год, и свежая кровь означала разнообразие в монотонной рутине дней. Глядя на вновь прибывших, заключенные улюлюкали, свистели и кричали «Левой! Левой!». Парень в очках, столкнувшись с совершенно не знакомым ему миром, невольно замедлил шаг.

– Тихо! – проревел главный охранник. Когда гвалт утих, он приказал арестантам построиться в центре зала, а потом скомандовал: – Сумки открыть и положить на пол. Одежду снять.

Все подчинились, только парень в очках замешкался, снимая куртку и брюки.

– Чего ты там возишься? Шевелись! – прикрикнул на него молодой охранник, угрожающе взмахнув электрической дубинкой.

– Ха! Просто мелкий у нас еще стесняется! – С третьего этажа донесся издевательский смех.

Парень залился краской – арестанты справа и слева от него уже стояли в одних трусах. Тогда он нервно облизнул губы, стянул с себя одежду и застыл на месте, чувствуя на себе десятки насмешливых и бесцеремонных взглядов.

Молодой охранник принялся с помощью дубинки ворошить лежащую в сумках одежду, выискивая запрещенные предметы. Заключенные начали обсуждать новичков.

– Смотрите, какая у очкарика белая кожа! Совсем как у девчонки!

– Проверьте-ка его получше! Вдруг у нас тут транс объявился...

Парень сжался, словно хотел свернуться клубочком, как ежик. К счастью, для насмешек быстро нашелся новый объект.

– О, смотрите на второго справа, с наколками!

– Орел на спине крутой!

– Ага, крутой, как моя задница... Голова слишком маленькая и на член похожа. Вот доберусь до него и набью на этом петухе клетку, чтоб не кукарекал мне тут.

Обладатель татуировок – высокий, мускулистый и угрюмый – был из тех, кто часто влипает в неприятности, и точно не из тех, кто молча выслушивает оскорбления. Он повернулся в сторону, откуда донеслось последнее замечание, и рявкнул:

– Ты труп, ублюдок!

Его оппонент лишь насмешливо хмыкнул. Мужчина с татуировками считал это капитуляцией и гордо вскинул голову. Потом случилось нечто странное. Голоса стихали один за другим, пока не повисла гробовая тишина. Татуированный стал в замешательстве озираться и, поймав на себе сверлящий взгляд главного охранника, замер, будто громом пораженный, а затем поспешно отвернулся, чувствуя почему-то жгучий страх и досаду.

– Видимо, вы не знаете, кто я? – спросил охранник, не сводя глаз с татуированного, но обращаясь ко всем новоприбывшим.

Некоторые покачали головами.

– Меня зовут Чжан Хайфэн. Я начальник четвертой тюрьмы. Можете обращаться ко мне начальник Чжан. – Он опустил голову и, похлопывая по дубинке, задал еще один вопрос: – Где вы сейчас находитесь?

Ответить никто не решался. Начальник Чжан медленно приблизился к татуированному, сложил у его уха ладони рупором и громко повторил:

– Где вы сейчас находитесь?

Заклоченный отшатнулся и неуверенно произнес:

– В тюрьме.

Начальник издал странный звук – не то злобное хмыканье, не то смешок. Татуированный не смог истолковать ответ, но на всякий случай услужливо хохотнул. Однако, едва сорвавшись с губ, его смех вдруг перешел в крик, а потом в мучительное завывание.

Остальные арестанты, и особенно парень в очках, округлили глаза от страха. Вскоре они поняли, в чем дело: начальник Чжан ткнул электрической дубинкой в подмышку татуированного. Тот забился в конвульсиях, а затем рухнул на пол и свернулся калачиком.

– В тюрьме? Думаешь, ты в обычной тюрьме? – Начальник Чжан обдал лежащего у его ног человека ледяным взглядом. – Тогда неудивительно, что ты себя так ведешь.

Татуированный ловил ртом воздух. Электрический заряд парализовал мышцы, и мужчина с трудом мог сделать вдох. Начальник Чжан пнул его и гаркнул:

– Встать!

С лицом блее снега арестант с трудом поднялся на ноги. Начальник Чжан, не обращая больше на него внимания, стал прохаживаться вдоль шеренги новичков.

– Объясняю, куда вас занесло. Это тюремный блок номер четыре, зона строгого режима. Если вы здесь, значит, вы – закоренелые преступники, и применять к таким отбросам самые суровые наказания для меня одно удовольствие.

Хотя говорил он негромко, в голосе слышалась сила. Начальник Чжан все еще держал в руке жужжащую дубинку. Когда он проходил мимо, арестанты бледнели в ожидании внезапного выпада и волны боли. Начальник остановился перед парнем в очках и несколько секунд смотрел на него в упор. Тот закусил губу, не смея даже сделать вдох. Увидев его страх, начальник Чжан словно повеселел. Он выключил электрошокер.

– Естественно, вас прислали сюда не для того, чтобы я вас наказывал. Нет, моя работа – спасти вас, уберечь от падения в пропасть и наставить на правильный путь. Однако сейчас вы должны запомнить лишь одно слово: подчинение! Если я говорю делать – вы делаете. Если говорю не делать – вы молча поджимаете хвосты. Ясно?

– Ясно! – хором отозвались новички, за исключением татуированного, который еще не оправился после удара током. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

Начальник Чжан нахмурился и, кивнув на него, сказал другому охраннику:

– Этот, похоже, уснул. Ну-ка, взбодри его.

Охранник подскочил к татуированному и ткнул потрескивающей дубинкой ему в живот. Тот вскрикнул и снова рухнул на пол. Охранник наклонился и не убирал дубинку, даже когда татуированный несколько раз проревел: «Ясно!»

Начальник Чжан стоял, заложив руки за спину, позволяя заключенным слушать сдавленные крики, и только через полминуты остановил охранника.

По лицу татуированного текли слезы, рот перекосялся. Однако он, не дожидаясь приказа, тяжело встал на ноги и вернулся в строй. Теперь орел на его спине был весь в грязи и больше походил на потрепанного воробья, чем на гордую хищную птицу. Начальник Чжан, напротив, выглядел весьма довольным собой.

– Ладно, отведите их в камеры, – бросил он.

Следуя указаниям охранников, заключенные накинули на себя рубашки, схватили все остальное и друг за другом зашагали к лестнице.

– Как тебя зовут? – вдруг окликнул начальник Чжан парня в очках, когда тот проходил мимо.

– Хан Вэньчжи, – ответил парень, вытянувшись в струнку.

Начальник хмыкнул.

– Мне про тебя все известно. Но раз ты теперь здесь, следуй нашим правилам. Ты ничем не отличаешься от остальных, поблажек не жди. Понял меня?

– Понял, – глухо отозвался Хан Вэньчжи.

– Хорошо. – Начальник Чжан взмахнул рукой. – Можешь идти.

Шеренга двинулась по тюремному коридору. Время от времени охранники останавливали строй, отпирали дверь и запускали в камеру одного из новичков. Наконец добрались до последней камеры на четвертом этаже, в юго-восточном углу здания. Один из охранников открыл металлическую дверь.

– Заходи, – кивнул он Хану Вэньчжи.

Тот взглянул на номер камеры – 424³ – и вошел, чувствуя подступающую волну отчаяния.

Когда дверь за ним захлопнулась, из коридора донесся голос:

– Парнишка хрупкий, так что вы с ним полегче.

– Не волнуйтесь, охранник Чжоу, – усмехнулся кто-то в глубине камеры. – Мы не посмеем доставить неудобства нашему славному государству.

Хан огляделся. Камера площадью чуть больше десяти квадратных метров. Слева от входа крошечный туалет, от которого шел жуткий смрад, а справа – металлическая двухъярусная кровать. На верхней койке кто-то лежал, а нижняя пустовала.

– Очкарик, вон твое место, – сказал мужчина, отвечавший охраннику, и махнул рукой в сторону свободной койки. Сам он развалился на нижней полке у стены, напротив него сидели еще трое заключенных.

Хан Вэньчжи заискивающе улыбнулся, прикидывая в уме: три кровати, шесть человек – он занял последнее место в камере. Бросив вещи на кровать, Хан сел, чтобы натянуть брюки.

– Эй, недомерок, одеваться тебе не разрешали! – крикнул парень с дальней койки. Несмотря на юный возраст – на вид ему не было и двадцати, – глаза на хмуром лице глядели злобно.

Хан замер, вцепившись в брюки обеими руками.

– Иди сюда, – подозвал его первый мужчина.

Сам он все еще полулежал в нарочито расслабленной позе – вероятно, такое мог себе позволить только местный главарь. Хан положил брюки на кровать и приблизился. Глава – лет сорока, невысокого роста, но крепко сбитый, левую щеку пересекал шрам от пореза – осмотрел Хана с головы до ног, будто хотел увидеть самое его нутро.

– Ты что, мать твою, немой? – Юный головорез подскочил к Хану и отвесил ему подзатыльник. – Почему не поздоровался со братцем⁴ Пином? – Увидев у Хана искры гнева в глазах, он добавил: – На неприятности напрашиваешься?

– Ха, ну надо же! У дохлика, я гляжу, есть характер! – рассмеялся другой заключенный. – Ты не забыл, где находишься?

Голос доносился с койки напротив, и Хан узнал в нем того, кто подначивал татуированного.

– Здравствуй, братец Пин, – кротко сказал Хан, решив подавить гнев и не привлекать лишнего внимания.

Братец Пин хмыкнул, а потом спросил:

– Как тебя звать?

– Хан Вэньчжи.

³ В китайской культуре цифра 4 считается несчастливой, поскольку при прочтении иероглифы «четыре» и «смерть» созвучны.

⁴ Братец – почтительное обращение к мужчинам своего поколения в Китае.

– Ну вот, приличное имя для приличного человека. – Братец Пин снова смерил Хана взглядом. – Почему же ведешь себя так некультурно? Тебя манерам не учили? Придя в чужой дом, нужно поздороваться с хозяевами.

– Да, братец Пин. – Хан послушно кивнул, затем повернулся к троим его соседям. – Я здесь недавно и не знаю всех правил, поэтому простите мою оплошность.

Братец Пин представил каждого из троицы:

– Это Черныш Хэйцзы, это Шань, а мелкий – это Шунь.

Хан поприветствовал их, каждого называя братцем. Чернышу – высокому и широкоплечему – и Шаню – среднего роста и худощавому – действительно было уже за тридцать, а вот к юному Шуню почтительно обращаться Хану пришлось себя заставить.

Мужчина на койке у входа до сих пор даже не шевельнулся. Хан замялся, не зная, следует ли представиться и ему тоже. Пин, угадав мысли Хана, сказал:

– Он спит, потом познакомишься.

По презрительному хмыканью Черныша стало ясно, что у них со спящим непростые отношения.

– О, скоро ужин... – Пин шумно втянул носом воздух.

Теперь и все остальные почувствовали слабый запах еды.

– Мне ведь сегодня положена двойная порция, верно? – Черныш оживился и потер руки.

– Верно, только не нервничай, – усмехнулся Шань. – Старик Чжан тот еще гад, но слово свое держит. Так что за сегодняшнее награду ты точно получишь.

– Да уж, ты прямо в ударе! – встрял Шунь. – Набить клетку на петухе – надо ж такое придумать!

Черныш гордо вскинул голову.

– Ну, я всех насквозь вижу, что тут скажешь. Я как глянул на этих салаг – сразу понял, что возиться стоит только с татуированным. Вот и результат! Приз будет за мной.

Ясно. Над новичками сегодня издевались по приказу начальника Чжана. Мотив очевиден – вычислить самого дерзкого и проучить в назидание остальным.

Пока обитатели камеры увлеченно беседовали, Хан осторожно прошел к своей койке и торопливо оделся. Вдруг он услышал шорох, перед глазами что-то мелькнуло, и рядом возникла высокая фигура – его сосед с верхней койки спрыгнул на пол. Хан поспешно вскочил, желая соблюсти правила вежливости.

– Ты новичок? – спросил незнакомец – лет двадцати, большеглазый, с изящным носом и высоким лбом и, пожалуй, слишком красивый для уголовника.

– Меня зовут Хан Вэньчи.

– А меня Ду Минцян, – протянул сосед.

– Хорошо, братец Цян...

– Да ладно тебе, не настолько я стар, – перебил Ду со смехом. Он потянулся к своей койке и достал миску для риса. – Скоро привезут еду, надо подготовиться.

– Что ты за человек! – ухмыльнулся Пин. – Даже в тюрьме спишь как младенец, и аппетит зверский... Ты как будто в санаторий приехал.

– Просто он в год Свины родился, – съязвил Черныш.

Ду покачал головой и улыбнулся.

– А что плохого в пороссячьей жизни? Многие ли могут сказать, что они счастливее свины? Как думаешь, братец Чжи?

Хан замер от неожиданности, а потом понял, что его поддразнивают, и рассмеялся.

– А что хорошего? – Черныш скривил рот. – Всю жизнь бояться, как бы тебя не зарезали?

В его голосе звенел вызов. Однако Ду Минцян продолжал улыбаться, словно ничего не слышал, а затем и вовсе развернулся и пошел в туалет. Вскоре тишину нарушил звук бьющей в воду струи.

– Ах, хорошо! – с блаженным вздохом протянул Ду.

Черныш воспринял это как оскорбление и вскочил, готовый броситься в бой. Но Пин наградил его таким выразительным взглядом, что Черныш лишь обиженно фыркнул и снова опустился на койку.

Как раз тогда двое пожилых заключенных прикатили к камере тележку с ужином. Сопровождавший их охранник открыл дверь, и Хана тут же оттеснил в сторону Шунь с несколькими мисками в руках. Пин, Шань и Черныш не сдвинулись с места; похоже, они использовали Шуня как мальчика на побегушках.

В каждую миску клали порцию риса, затем половник овощей. Шунь сновал туда-сюда, относя еду старшим товарищам. Подставляя последнюю миску, он произнес с нажимом:

– Эта – для Хэйцзы.

– Положите жареную свинину, – велел охранник дежурному, взглянув на Черныша. – Подарок от начальника Чжана.

– Благодарю! И слава нашему правительству, конечно! – сказал Черныш, когда Шунь торжественно вручил ему ужин.

– Ого, как вкусно пахнет! – Пospешно застегивая ширинку и пуговицы на брюках, из туалета вышел Ду; миску он держал под мышкой.

– Это же свинина. Как еще ей пахнуть! – отозвался Черныш. Он передал особое блюдо Пину. – Сначала старший.

Пин не стал изображать скромность и просто переложил добрую половину награды в свою миску.

– Остальное ваше, – наконец объявил он.

Львиную долю от второй половины забрал себе Черныш, а Шань и Шунь удовольствовались парой кусочков.

– Кто еще не подходил? Шевелитесь! – крикнул охранник из-за двери.

Хан посторонился, пропуская Ду.

– Ты первый.

– К чему такая вежливость? – Ду улыбнулся. – Нам-то мяса все равно не дадут.

Он забрал свою порцию и уселся на койку. Хан подошел к тележке последним. Вскоре в его миске оказались сероватый рис и капуста с картофельной лапшой – действительно, никакого мяса.

Ду проглотил ужин за пару минут. Заметив, что Хан уныло разглядывает свою миску, не осилив и половины порции, он спросил:

– Что случилось? Не можешь есть?

– Я не голоден, – вздохнул Хан.

– Поначалу так всегда. Через пару дней привыкнешь. – Понимающе кивнув, Ду протянул Хану свою пустую миску. – Давай мне то, что не будешь есть. Не выбрасывать же.

Хан отдал Ду бóльшую часть своей еды, и тот с удовольствием, без тени брезгливости или смущения, расправился со второй порцией. Затем сходил в туалет умыться и вновь забрался на верхнюю койку.

– Эй, очкарик, иди-ка сюда! – крикнул Шунь, когда все закончили есть.

Хан приблизился, и Шунь указал на стопку опустевших мисок.

– Их надо помыть.

Стиснув зубы, Хан молча собрал грязную посуду и пошел в туалет. Вдогонку несся ликующий смех Шуня:

– Ха! Раз теперь есть этот пацан, мне можно и отдохнуть!

Ду бросил свою миску в раковину, так что Хан ее тоже помыл и вытер насухо, а затем положил рядом с Ду, который уже спал, тихо похрапывая.

Шунь с противной ухмылкой на лице неотрывно следил за Ханом – любовался тем, как новичок делает грязную работу, раньше достававшуюся ему. Когда Хан вернул всем чистые миски, Шунь повернулся к Пину и нетерпеливо спросил:

– Ну что, начнем?

Пин протянул руку и хлопнул Шуня по лбу.

– Куда торопиться? Надо ужин-то переварить.

Шунь сердито потер лоб. Тогда Пин, громко рыгнув, сказал:

– Лицом к стене!

Хан растерянно посмотрел на него.

– Ты оглох? – Шунь подскочил к Хану и отвесил ему оплеуху. – Или слов не понимаешь? Садись мордой к стене и думай о своих грехах. Жди суда.

Хан снял ботинки и сел на свою койку. Шунь отдавал приказы: лицом к стене, ноги скрестить, живот втянуть, грудь вперед, голову держать прямо, смотреть перед собой... Спустя несколько часов в такой позе у Хана невыносимо болела спина, однако расслабиться он не смел. Тем временем Пин и другие старшие братья играли в покер. Около девяти часов раздался звонок, они наконец убрали карты и по очереди сходили в туалет, чтобы справить нужду и умыться.

По их разговорам Хан понял, что скоро отбой, – и действительно, через двадцать минут лампы погасли, и камеру наполнил блеклый лунный свет, пробивавшийся через маленькое окошко в двух метрах от пола.

– Ладно, пришло время суда, – раздался в темноте голос Пина. – Очкарик, хорош там медитировать, иди сюда!

Хан встал и поковылял в глубь камеры. После долгих часов, проведенных в позе лотоса, ног он почти не чувствовал.

– На колени, – скомандовал Шунь.

Хан не подчинился сразу, и через мгновение кто-то пнул его сзади по ногам. Хан чуть не упал, но удержал равновесие. Обернувшись, он увидел за собой Шаня. Стиснув зубы, Хан опустился на пол. В икрах снова набухла боль.

Пин сидел на койке, широко расставив ноги.

– Ну, сколько тебе дали? – небрежно спросил он.

– Пожизненное, – хрипло ответил Хан, не сумев скрыть в голосе ни отчаяние, ни ярость.

– Впечатляет! – оживился Пин. – Что же ты натворил?

На этот раз Хан промолчал.

– Говори! – рявкнул Черныш.

Хан покачал головой.

– Я ничего не сделал.

– Да конечно! – Черныш с силой пнул Хана. – Если ничего не сделал, какого черта ты здесь?

Хан напрягся, чтобы сдержать удар, затем поднял голову и посмотрел Чернышу в глаза. В его зрачках запылал яркий огонь. Черныш протянул руку и ткнул Хана в нос.

– Нарываешься?

Хан отвел взгляд, хотя поражения своего не признал.

– Я правда ничего не сделал. Меня подставили.

– Подставили? – усмехнулся Черныш и кивнул Пину. – Слышал? Его подставили!

Пин холодно усмехнулся; в лунном свете шрам на его щеке выглядел зловеще.

– Что ж, тогда мы считаем своим долгом добиться для тебя справедливости...

– Братец Пин, вашему покорному слуге нанесена обида! Ваша честь, подскажите, как поступить? – высоким голосом пропел Шунь, будто исполнял оперную арию.

Черныш погрозил ему кулаком.

– Мелкий паршивец!

– Хватит дурачиться! – оборвал их Шань. – Давайте послушаем братца Пина.

В камере воцарилась тишина. Шань говорил редко, поэтому каждое его слово имело большой вес.

Пин, довольный всеобщим вниманием, сплел между собой короткие пальцы и произнес:

– Поскольку ты уже здесь, лучше смириться с судьбой. Кого волнует, что тебя подставили? Да никого! Зашел в камеру минуту назад – а уже ноешь... Если хватило ума влезть в неприятности, то наберись мужества и признайся. Я спрашиваю еще раз: за что тебя посадили?

– Я и правда ничего не сделал! – Хан решил переубедить «судью». – Меня подставили.

Во всем виновата девушка.

Пин выругался, вдруг изменившись в лице.

– Девушка? Малец, так ты по «цветочному приговору»?

Хан слышал, что на сленге это означало изнасилование, которое даже в тюрьме считалось самым позорным преступлением. Черныш бросился к Хану и опрокинул его на пол еще одним мощным пинком.

– Он темнит, дело явно нечисто! Пин попал в точку, а?

– Нет-нет, я вовсе не... – попытался вставить Хан.

– И кто ты после такого?! – заорал Черныш, пиная Хана снова и снова. Тот извивался на полу, уворачиваясь от ударов.

– Нет, я не вру, меня подставили...

Теперь Хана избивала вся троица «присяжных», поэтому больше он не смог произнести ни слова. Ему оставалось только свернуться клубком и поднять руки, защищая голову. Когда сильный удар пришелся в затылок, Хан в отчаянном рывке дотянулся до чьих-то ног и схватил их что было силы. Обладатель ног рухнул на койку.

– Ах, ты еще и сопротивляться будешь! – прошипел Шунь, безуспешно пытаясь освободиться.

– Ну, сам напросился! – прорычал Пин и ударил Хана в живот.

Тот замер, сунув руки под мышки и потеряв от боли способность двигаться. Шунь вскочил и выместил гнев еще серией пинков. Хан мог только глухо стонать.

– А парнишка сильнее, чем кажется, – заметил Черныш, нанося последние удары беспомощному Хану. – Что теперь?

Пин откинулся на спинку своей кровати и посмотрел на свернувшегося калачиком Хана.

– Раз он решился на грязное дело, давайте отмоем его дочиста.

– Верно! – Черныш кивнул.

Втроем с Шанем и Шунем они схватили Хана и поволокли его в сторону туалета. Тот смог наконец восстановить дыхание и открыть глаза уже на холодном кафеле. Черныш и Шань прижали его к полу, а Шунь расстегнул на нем брюки.

– Ты что делаешь?! – завопил Хан, отчаянно сопротивляясь.

Не обращая на крики внимания, Шунь одним движением стянул с жертвы брюки вместе с трусами. Не на шутку испугавшись, Хан заорал во весь голос:

– Ублюдки! Пустите!

Пин, стоявший в дверях, нахмурился.

– Тише, не то охранники прибегут.

Шань сунул в рот Хану грязную тряпку, и теперь парень издавал только приглушенное мычание.

– Ты плохо себя вел. Сейчас мы тебя отмоем, тогда начнешь жизнь с чистого листа, – приговаривал Шунь, вынимая из-под раковины стиральный порошок.

Он щедро посыпал порошком промежность Хана. Кожу начало жечь, и Хан брыкался так неистово, что смог раз или два ударить Шуня. Тогда Черныш скрутил Хану руки, а Шань,

улучив момент, крепко прижал обе его ноги к полу. Шунь метнулся к раковине и стал что-то искать.

– Возьми мою, она новая, щетина жесткая, – подсказал Черныш, злобно усмехаясь.

– Точно!

Шунь вернулся с зубной щеткой, и Хан, поняв, что его ждет, закричал сквозь вонючую тряпку так громко, как мог. Шунь опустился на колени и провозгласил, размахивая зубной щеткой:

– Давайте же, братья, очистим плоть и душу этого грешника!

Плеснув на стиральный порошок воды, он принялся тереть промежность Хана щеткой. Тот впился зубами в кляп, чтобы не потерять сознание от жгучей боли и унижения; слезы ручьями лились по его щекам. Время словно застыло, и Хану чудилось, что он страдал целый год, а может, и сотню лет.

– Чего шумите? – донесся голос из камеры.

Шунь обернулся и увидел у двери Ду Минцяна, потирающего спросонья глаза.

– Не твое дело, иди отсюда! – рыкнул Черныш еще свирепей, чем обычно.

– Как это не мое дело? – возмутился Ду. – Нам завтра вставать рано, а ты мне спать не даешь.

– Ты совсем страх потерял?

Черныш отпустил Хана, шагнул к Минцяну и сильно его толкнул. Тот схватился за стену, чтобы не упасть.

– Эй! Я же ничего такого не сделал! – воскликнул Ду.

Хотя Черныш уже готовился к бою, Пин вдруг объявил:

– Ладно, хватит. Пора на боковую.

Возражать ему Черныш не посмел.

Тут в туалете раздался шум возни. Не успел Черныш и глазом моргнуть, как Хан прошмыгнул мимо него и бросился к двери камеры.

– Держи его! – крикнул Пин, но было поздно.

Хан уже выплюнул кляп и, вцепившись в решетку на окне, завопил во все горло:

– Помогите! На помощь!

Пронзительный вопль разбудил заключенных в других камерах, и вскоре отовсюду послышались ругань и ворчание. Некоторые тоже начали что-то кричать, и в тюрьме воцарился хаос.

– Черт тебя дери, заткнись уже!

Черныш подскочил к Хану, схватил за горло и попытался оттащить от двери. Однако тот, продолжая голосить, теперь лишь немного приглушенно, держался за решетку с отчаянной силой. Шунь и Шань выбежали из туалета.

– Оставь его! – велел Шань, оценив ситуацию. – Все по нарам!

Шунь, недолго думая, подбежал к своей кровати. Черныш понял, что быстро успокоить Хана не удастся, и тоже вернулся на место; Шань забрался на верхнюю койку. Ду Минцян, покачав сокрушенно головой, последовал их примеру. Хан, утратив всякое самообладание, вопил без остановки.

Вдруг во всем тюремном блоке зажглись лампы. Пин и остальные вскочили на ноги, стараясь изобразить заспанные лица для камеры видеонаблюдения над дверью. Яркий свет словно отрезвил Хана. Он перестал кричать и, осознав, что стоит голым ниже пояса, стал натягивать брюки.

– Камера четыреста двадцать четыре, что у вас случилось?

Хан на мгновение замер от испуга, затем поднял глаза и увидел рядом с вентиляционным отверстием динамик, из которого и доносился голос охранника. Устройство связи находилось у койки Шуня, поэтому он приподнялся на кровати и сказал в микрофон:

– Новый заключенный недоволен нашим правосудием и не желает встать на путь исправления. Говорит, он невиновен, потому и зовет на помощь.

– Нет... Неправда! – Хан стоял слишком далеко, и его не услышали.

Ответа из динамика не последовало, но свет по-прежнему горел, что вызвало новый поток ругательств и жалоб из всех камер.

– Тихо! – снова раздался голос, теперь из коридора. Удары дубинок по дверям действовали мгновенно – заключенные тут же замолкали.

– Ну что, допрыгался? – злобно бросил Хану Шунь.

Черныш указал пальцем на Ду, лежащего на своей койке.

– А ты держи язык за зубами.

Ду не ответил, как будто разом оглох и онемел.

Шаги приближались, и вскоре в окне камеры 424 выросла фигура охранника; за его спиной маячили еще двое. Когда привезли новых заключенных, этого надзирателя в тюрьме не было. Увидев незнакомое лицо, он спросил у Хана:

– Новичок?

Тот поспешно закивал, рассчитывая на спасение. Охранник нахмурил брови.

– Это ты звал на помощь?

– Да! – Хан посмотрел на сокамерников. – Они... они надо мной издевались.

– Что ты несешь! Тебя никто и пальцем не тронул! – запротестовал Черныш под одобрительные возгласы друзей.

– Всем молчать! – Охранник обвел камеру гневным взглядом. – Ты. Говори, что случилось.

Он ткнул дубинкой в сторону Ду Минцяна. Тот насупился, все еще недовольный тем, что его разбудили.

– Откуда мне знать? Я вообще спал.

– Ты и правда спал, но потом проснулся и все видел! – ошеломленный ответом Ду, воскликнул Хан.

– Ладно, ладно, – перебил его охранник. Он оглядел Хана с головы до ног и недоверчиво спросил: – И как же над тобой издевались?

– Они... – начал было Хан и умолк. В уме он пытался подобрать слова, чтобы описать пережитое унижение.

Охранник снова нахмурился.

– Позвольте мне объяснить. – С койки поднялся раньше молчавший Пин. – Парнишка просто не согласен с приговором. Все твердил, что его подставили, и отказывался ложиться спать, даже когда свет выключили. Хэйцзы его припугнул слегка, чтобы замолк, вот и все; мы и пальцем его не трогали.

– Верно! – отозвался Черныш. – Согласен, зря я ему угрожал. Но он кричал без умолку, поносил наше правительство, уснуть не давал... Я и не сдержался.

– Неужели? – Холодный взгляд охранника снова уперся в Хана. – Значит, подставили тебя?

Хан закусил губу.

– Да, я невиновен. Меня оклеветали, – проговорил он хрипло, но уверенно.

Охранник резко хохотнул.

– То есть судья ошибся?

Он достал ключи, отпер дверь и шагнул к Хану. Тот понял, что ни к чему хорошему личное общение не приведет, и затараторил:

– Нет-нет, дело не в судье, а в той девушке...

Прежде чем он успел договорить, его тело будто вдруг онемело, а потом он рухнул на пол и забился в конвульсиях. Охранник прижимал электрическую дубинку к животу Хана.

– Тебе дали шанс стать человеком, и чем ты отплатил? – заорал он. – Думаешь, ты первый здесь такой умный? Все вы гаденыши неблагодарные! Может, тебе и жизнь не дорога?

Хан безвольно обмяк, в глазах читалось отчаяние. Однако сквозь стиснутые зубы он с усилием произнес:

– Не виновен... меня... подставили!

– Тогда надо было подать в суд апелляцию. Теперь-то кому какое дело? – проворчал охранник, больше не желая тратить время на бесполезные препирательства. Он повернулся к Пину. – Присматривай за ним.

– Не волнуйтесь! – Пин ударил себя в грудь кулаком. – Обещаю: больше в четыреста двадцать четвертой камере проблем не возникнет.

Охранник удовлетворенно кивнул и вышел за дверь.

Хан с трудом поднялся, мысленно обещая себе больше ни с кем не разговаривать. Слова здесь не приносили пользы. Охранник запер дверь и зашагал по коридору прочь. Вскоре свет погас, тюремный блок вновь погрузился во тьму. Хан добрался до своей койки, мечтая, чтобы его поглотила бесконечная ночь, и в камере раздалось сдавленные рыдания. Пин со свитой, довольные собой, быстро уснули. Лишь Ду Минцян тихонько вздохнул, но даже он ничего не сказал, а просто перевернулся на бок и закрыл глаза.

Прошло какое-то время. Вероятно, наступил предрассветный час, когда темнота гуще всего, и в целом здании ничто не нарушало тишину. Шуня разбудило неотложное дело – полный мочевого пузыря. Он неохотно вылез из-под одеяла и побрел в туалет.

Сюда не мог добраться лунный свет, льющийся в окно камеры, поэтому стояла крошечная тьма. К счастью, Шунь знал это место как свои пять пальцев. Он широко зевнул и шагнул вперед. И вдруг запнулся – под ногами рядом с унитазом ничком лежал человек. Сон как рукой сняло.

– Эй, кто там? Что ты делаешь? – неуверенно пробормотал Шунь.

Его окликнул Пин:

– Ты с кем разговариваешь?

– Тут кто-то на полу. – Шунь выглянул из дверей туалета и осмотрел камеру. Нижняя койка у двери пустовала. – Думаю, наш очкарик.

Шунь вернулся к Хану и пару раз его пнул, однако тот не пошевелился. Плохо, очень плохо.

– Брат Пин, иди сюда... С ним что-то случилось!

Дождавшись Пина, Шунь склонился над неподвижным телом. С трудом ему удалось разглядеть, что по запястью Хана стекает какая-то жидкость. Он коснулся руки Хана – липкая, и запах знакомый...

– Фу, мать твою! Это кровь! – завопил он.

– И чего ты испугался? – спросил Пин с напускным равнодушием и тут же скрылся в глубине камеры.

– Что стряслось? – Черныш сел в кровати, сонно моргая.

Шань и Ду Минцян тоже проснулись.

– Да он сдох, вот что стряслось! – выпалил Шунь.

Все изумленно уставились на него.

– Спокойно, мы тут ни при чем, – сказал Пин. – Зови охрану.

Шунь взлетел на верхнюю койку и нажал кнопку на переговорной панели. Вскоре из динамика раздался треск.

– Камера четыреста двадцать четыре, ну что теперь?

– У нас труп! Тот самый новичок помер, – дрожащим голосом ответил Шунь.

Едва последнее слово сорвалось с его губ, как все лампы в здании вновь зажглись. Пин и его троица остались на месте, а вот Ду Минцянь вскочил и бросился в туалет. Через мгновение он крикнул:

– Еще живой! Скорее, помогите мне!

– Живой? – Шунь судорожно вздохнул и в два прыжка добрался до Минцяня.

Ду сидел, стиснув окровавленную руку Хана чуть выше запястья. Мертвенно-бледный Хан был без сознания.

– Найди что-нибудь для перевязки, – сказал Ду.

Шунь подобрал с пола тряпку – ту, которую они использовали для кляпа. Ду порвал ткань на полоски и туго обвязал руку Хана. Кровотечение прекратилось.

Донесся лязг металлической двери, и секунду спустя в туалет вбежал охранник.

– Что тут? – Между его бровей пролегла глубокая складка.

– Самоубийство. Вскрыл себе запястье стеклом из очков. – Ду указал на осколки стекла, валявшиеся рядом. – Он опустил руку в унитаз, так что неизвестно, сколько крови потерял. Но кожа еще не совсем белая. Думаю, выживет.

Охранник махнул своим помощникам.

– Несите его в медпункт!

Хана вынесли из туалета.

– Держите его руку повыше! – крикнул им вслед Ду Минцянь.

– Умеешь оказывать первую помощь? – Охранник с подозрением прищурился.

– Да, знаю основы.

– Тогда пойдешь со мной. – Он обвел взглядом остальных. – А вы до утра будете вести себя тише воды ниже травы. Завтра работа отменяется. Вас будут допрашивать.

Затем охранник выбежал за дверь вместе с Ду, а обитателей камеры 424 вновь заперли в их крошечном мирке. Когда шаги стихли, Шунь вытер пот со лба.

– Чертов очкарик, – нервно проговорил он. – Повезло, что не сдох... Тогда бы мы не отвернулись.

– Ты идиот? – рявкнул Черныш. – Лучше б он умер. Мы-то как раз были бы ни при чем.

– Да уж, теперь у нас проблемы... – Пин нахмурился. – Начальник Чжан будет вне себя.

А когда очкарик придет в сознание и запоет соловьем про то, как над ним тут издевались, нам точно не поздоровится.

Вспомнив про электродубинку, Шунь помрачнел, но продолжал цепляться за остатки надежды:

– Очкарик же не дурак, верно? Он знает, что ему здесь не выжить, если начнет стучать.

Шань покачал головой.

– Он еще не настолько нас боится. На этот раз сухими из воды не выйти.

– Во всем виноват проклятый Ду Минцянь! – Черныш стиснул кулаки. – Если б он не помешал, мы бы очкарика проучили как следует.

– Правильно! – горячо согласился Шунь. – Это он сорвал нам суд, и он же спас очкарика, когда тот хотел покончить с собой. Если очкарик настучит начальнику Чжану, Ду останется чистеньким и будет задирать кверху свое свиное рыло.

Черныш хлопнул по спинке кровати.

– Надо и ему преподать урок.

– Согласен, – Шань кивнул. – Иначе в этой камере никогда покоя не будет.

Он неотрывно смотрел на Пина, пытаясь прочесть его мысли. Тот лишь молча хрустнул костяшками пальцев.

– Я давно говорил, что за него нужно взяться, – буркнул Черныш. – А Пин меня всегда останавливал.

– Никто из вас не видит общую картину, – вздохнул Пин. – С Ду Минцяном лучше не шутить.

Черныш закатил глаза.

– Скажешь тоже! Ему всего пять лет дали, кого там бояться?

Пин постучал Чернышу по лбу.

– Я же говорю, дальше своего носа не видите...

Черныш непонимающе уставился на Пина. Шань вдруг хмыкнул, словно до него что-то дошло.

– Не мне вам рассказывать, кто попадает в четвертую тюрьму, – начал объяснять Пин.

– Самые отпетые преступники города, – вставил Черныш.

– Именно. А чем эта тюрьма отличается от других?

– Тем, что жизнь тут не сахар, – усмехнулся Черныш. – «Блок четвертый, хлопнет дверь, водится тут злобный зверь, вот надгробия стоят, вот и смертников отряд...»

Незатейливый стишок знали в каждой тюрьме. Зверем в нем называли, разумеется, начальника Чжана, властного и беспощадного. Надгробия – это узкие двери в камеры, выстроившиеся вдоль коридоров, словно могильные камни на кладбище. Кроме того, именно в четвертой тюрьме приговоренные к смертной казни коротали последние дни в ожидании расстрела.

– «Блок четвертый, хлопнет дверь...» – повторил Пин. – Я здесь уже десять лет, но Ду Минцян – единственный на моей памяти, кого сюда упекли, несмотря на маленький срок. Подумай хорошенько. Как бы он тут оказался, не будь крайне опасен?

Черныш помолчал, осмысливая логику Пина.

– Даже если этот недомерок людей убивал, я его не боюсь! – наконец заявил он, продолжая упрямыться. – У него вроде есть голова на плечах. Догадается, кого тут уважать надо. А если нет – я его по стене размажу.

Пин ухмыльнулся.

– Вот и я о том же. Поначалу он не высовывался. Когда мы устроили ему суд, сделал все, что ему велели. Мы оставили Ду в покое и мирно с ним уживались. Но теперь он встал у нас на пути. – Тут Пин перешел на торжественный тон. – И мы ему подыграем.

* * *

Ду Минцян, разумеется, и понятия не имел, что стал предметом такой дискуссии. Он находился в медпункте на первом этаже, где дежурный медик перевязал Хану руку и рекомендовал отправить его в тюремную больницу. Охранники медлить побоялись и тут же доставили Хана в соседнее здание. Немолодой врач после недолгого осмотра назначил переливание крови. Он ввел иглу в вену, повесил пакет на штатив, и вскоре кожа у Хана порозовела, а дыхание стало ровным.

– Ничего, поправится. Пусть кто-нибудь за ним присматривает и позовет меня, когда пациент очнется. – Врач успокоил надзирателя и ушел по своим делам.

Надзиратель облегченно вздохнул и вместе с другими охранниками пошел в коридор покурить. Ду Минцян сел у кушетки Хана.

Как и обещал врач, Хану вскоре стало лучше. Когда он открыл глаза, охранники еще не успели даже выкурить по сигарете. Его взгляд блуждал по палате, пока наконец не сфокусировался.

– Я не... не умер? – печально произнес он.

Голос прошелестел едва слышно, как паутинка на ветру. Вздохнув, Хан заметил Ду. Тот горько улыбнулся, а потом, склонившись к Хану, прошептал:

– Здесь ты не свободен, у тебя даже нет права умереть.

Хан покачал головой, не найдясь с ответом.

Надзиратель, стоявший у входа, заметил движение Ду. Он потушил недокуренную сигарету о дверной косяк и подошел к кушетке.

– Очнулся?

Ду, будто не слыша охранника, сказал Хану на ухо:

– Держи рот на замке. О прошлой ночи никому ни слова.

Сердце Хана сжалось. О прошлой ночи? О самом большом унижении за всю его жизнь? Как он может об этом молчать? Хан уставился на Ду Минцяна, совершенно сбитый с толку. Однако Ду не успел ничего объяснить, потому что охранник подскочил к нему и схватил за плечо.

– Ты оглох? Я с тобой разговариваю!

– Он только что очнулся, и я хотел измерить пульс, – сказал Ду с дружелюбной улыбкой.

– Ну да, конечно... Посторонись! – Охранник оттолкнул Ду и взгляделся в лицо Хана. Затем произнес, смягчив тон: – Ни о чем не волнуйся, просто отдыхай.

– Начальник Чжан! – крикнул кто-то в коридоре, достаточно громко, чтобы в палате было слышно.

Охранник поспешно обернулся на звук тяжелых шагов.

– Начальник Чжан, вы тоже решили прийти?

– Что случилось? – Начальник Чжан, нахмурившись, осматривал палату.

– Новый заключенный недоволен своим приговором. Не справившись с нервами, порезал себе запястье стеклом из очков. К счастью, я подоспел вовремя, и парень спасен. – О драке в камере охранник предпочел умолчать, а вот последнюю фразу произнес с нескрываемой гордостью.

Хан тихо фыркнул, но подавил нахлынувшее возмущение. Впрочем, от начальника Чжана ничего не укрылось.

– Сомневаюсь, что все так просто, – проговорил он, глядя на охранника, и наклонился к Хану. – Расскажи мне, что произошло.

Хан на секунду замялся, затем посмотрел на Ду Минцяна – тот отрицательно покачал головой. Начальник тюрьмы проследил за взглядом Хана, однако стоило ему повернуться, как лицо Ду снова приняло почтительное выражение.

– Я впал в отчаяние. Меня ведь подставили... На самом деле я невиновен... – пробормотал Хан, подтверждая слова надзирателя.

Начальник Чжан немного помолчал, а потом обратился к Ду:

– Идем, я хочу задать тебе пару вопросов.

В соседней палате он махнул рукой надзирателю, идущему следом.

– Возвращайся на место. Следи там за порядком, и чтобы никаких больше инцидентов!

Когда охранник удалился, Чжан схватил стул и сел, не сводя глаз с Ду Минцяна. Тот стоял молча, опустив голову. Начальник Чжан улыбнулся; впрочем, улыбка эта могла означать что угодно.

– Подойди, – сказал он наконец. – Встань передо мной.

Ду послушно выполнил приказ.

– Ты ведь здесь уже два месяца? – Начальник говорил непринужденно, словно вел светскую беседу. Он снял с пояса дубинку.

– Да, – ответил Ду, не поднимая глаз.

Начальник Чжан поднес дубинку к руке Минцяна. Тот стиснул зубы, однако не вздрогнул и не отшатнулся. Он почувствовал, как дубинка коснулась его левой руки, но агония не наступила. Ду растерялся. Начальник Чжан не включил электрошокер. С помощью дубинки он лишь заставил Ду поднять руку. Теперь она оказалась на уровне глаз начальника. По этой мускули-

стой, с гладкой кожей руке сразу было понятно, что принадлежит она молодому и сильному человеку. Тем не менее изъян тоже имелся – на среднем пальце недоставало одной фаланги.

– Ты сам откусил? – с любопытством спросил начальник Чжан, разглядывая руку Минцяна.

– Зачем бы мне такое? – ухмыльнулся Ду. – Несчастный случай на заводе.

Начальник Чжан стряхнул руку Минцяна и разочарованно вздохнул.

– Ты лжешь. – Ду опустил голову еще ниже. – Капитан Ло Фэй из уголовного розыска лично хлопотал о том, чтобы ты попал ко мне. Поэтому я знаю о тебе практически все.

Ду невесело усмехнулся, однако отвечать не стал. Начальник Чжан продолжил:

– На самом деле мне безразлична твоя прежняя жизнь, пусть ею занимается полиция. Мы с тобой не друзья, конечно, но и не враги. Ты отбываешь здесь наказание, а я должен держать тебя в узде. Не причиняй неприятности мне – и я не устрою их тебе. Ясно?

– Ясно, – наконец произнес Ду.

– Вот и хорошо. – Начальник Чжан глубоко вздохнул и указал дубинкой на дверь в соседнюю палату. – Что случилось?

Ду пожал плечами и ответил честно:

– Меня это не касается.

– Ты что-то скрываешь! – Чжан вскочил на ноги. – Ты помешал Хану Вэньчжи рассказать правду! За дурака меня держишь? Я все видел!

– Так и думал, что вы заметите... – Ду нахмурился. – Только Хан должен молчать, иначе ему не выжить.

Начальник Чжан холодно усмехнулся.

– Я сейчас разговариваю с тобой спокойно, потому что знаю свое дело, а не по доброте душевной.

– Если Хан будет держать язык за зубами, он вашей работе не навредит. Кроме того... – Ду поднял голову и встретился взглядом с начальником. – Вы ведь не любите неприятности, так?

Чжан Хайфэн прищурился. Убрав дубинку в петлю на поясе, он спросил:

– Ты гарантируешь, что проблем больше не возникнет?

Его тон стал мягче, и Ду решил воспользоваться случаем.

– Хан Вэньчжи лишился семьи и привычной жизни. Если давить на него тюремными законами, он просто сломается. Позвольте мне его вразумить. Парень неглупый, все поймет.

Начальник Чжан молчал добрых полминуты, а затем проговорил:

– Хорошо, для беседы даю вам один день. В камеру вернетесь завтра вечером.

– Спасибо, начальник Чжан! Слава нашему правительству! – выдохнул Ду.

– Не трать время. – Чжан отвернулся. – Можешь идти.

Ду поклонился и пошел в соседнюю палату. Едва он перешагнул через порог, как Хан поднял голову, словно ждал его. Выглядел он намного лучше. Ду придвинул стул к кушетке и сел.

– Мне разрешили денек побыть с тобой, – радостно сообщил он. – Считаю, что нам повезло. Ха-ха! Работать не придется, да еще накормят вкуснее, чем в тюремном блоке.

Хан явно не разделял энтузиазма Ду.

– Почему ты меня остановил? – спросил он, понизив голос.

– И что бы ты рассказал? Что тебя избил? – Ду наклонился к Хану. – Тогда у всех твоих сокамерников, включая брата Пина, и у дежурного надзирателя возникли бы проблемы.

– Они это заслужили... Какое мне дело до их проблем? – Хана затрясло от гнева.

Ду сочувственно покачал головой.

– Я и не прошу тебя заботиться о них, просто подумай о себе. – Заметив растерянность Хана, он пояснил: – Какое бы наказание они ни получили, на тебе отыграются в десять раз хуже. Такие уж в тюрьме правила игры.

В глазах Хана заблестели слезы.

– Зачем ты меня спас? – глухо сказал он. – Почему не дал умереть?

– Если б ты умер, то потерял бы все окончательно. А пока у тебя, по крайней мере, есть надежда. – Ду перевел взгляд на окно, из которого, словно не замечая черных металлических решеток, лился мягкий предутренний свет.

– Надежда? – повторил Хан с горькой улыбкой. – Даже не произноси при мне это слово. Только еще тяжелее становится.

– Понимаю... Ладно, расскажи мне свою историю. Что с тобой произошло?

Хан открыл было рот, но тут же осекся.

– Смелее, – подбодрил его Ду. – Я готов тебя выслушать.

Хан все еще сомневался.

– Ты веришь, что я невиновен?

– Почему бы и нет? – Ду похлопал Хана по ноге и многозначительно произнес: – Не каждый заключенный в тюрьме преступник, и не каждый преступник попадает в тюрьму.

Эти слова воодушевили Хана: вдруг Ду Минцянь действительно сможет его понять?

– Ты совершенно прав!

Ду почувствовал, что ему выписан кредит доверия.

– Так чем ты занимался до тюрьмы?

– Работал в муниципальном проектно бюро.

– Ты упоминал девушку, которая тебя подставила...

Хан стиснул зубы, сдерживая гнев, и кивнул. Через несколько секунд он смог объяснить:

– Мы познакомились через брачное агентство. Она очаровала меня своей красотой, а в итоге оказалась бессердечной стервой.

– Брачное агентство? – Ду усмехнулся и покачал головой. – Нашел же ты, кому доверять.

– А какой еще у меня был выход? Родители требовали, чтобы я завел семью, вот и пришлось... – Хан покраснел от смущения. – Ты только не смейся, но к тридцати годам я даже ни разу на свидание не ходил. Родители беспокоились, что их единственный сын так и проживет холостяком до старости. Поэтому я и решил обратиться в агентство.

Ду сочувственно кивнул.

– Что ты о ней знаешь?

– На четыре года младше меня, безработная. По ее словам, после университета пыталась уехать за границу, однако не получилось. А когда юность прошла, она захотела остепениться.

– На четыре года младше – то есть ей двадцать шесть или около того? Колледж закончила в двадцать два... – подсчитал Ду. – Значит, почти пять лет занималась непонятно чем. Не похоже, что она и впрямь хотела остепениться.

– В точку! – Хан посмотрел на Ду с восхищением. – Жаль, что тогда я этого не понимал и был полностью в ее власти. Мечтал создать с ней семью, провести вместе всю жизнь...

– И что случилось потом?

– Потом она встретила другого мужчину, – печально произнес Хан. – Он мог увести ее из страны, поэтому она решила со мной расстаться. Естественно, я сопротивлялся, однако она стояла на своем. Вот тебе и семья...

– Надо было просто ее отпустить. Невелика потеря. Каждый мужчина должен пройти через душевные муки – это закаляет характер.

– Для тебя, может, и просто, – сердито пробурчал Хан. – А меня она к тому времени успела выпотрошить как следует.

Ду на минуту задумался.

– Она вытянула из тебя деньги?

– И не только мои собственные... – Хан стиснул кулаки. – Еще и сбережения моих родителей.

– Как так вышло?

– Думаешь, я доверчивый простака? Да, признаю, я сам во всем виноват. Мы встречались почти полгода, я готов был жениться. Тогда она заявила, мол, никакой свадьбы, пока у нас не будет собственного жилья. А чтобы гарантировать ей достойную жизнь, нужна квартира в хорошем районе и как минимум с тремя спальнями. Кредит брать она не хотела, и я платил за все наличными.

– Ничего себе запросы! – воскликнул Ду, вспомнив, как за последние годы в Чэнду выросли цены на жилье. – Угадаю, что было дальше. Ты взял денег у родителей?

Хан кивнул.

– Они очень ждали моей женитьбы. Едва начались разговоры о покупке жилья, как родители сами предложили помощь, не дожидаясь моей просьбы. Они накопили триста тысяч, а я еще сотню. Денег хватило на квартиру в центре города, площадью около трехсот квадратных метров.

Ду вздохнул, а Хан продолжил рассказывать:

– Однако проблема даже не в этом. Я все равно купил бы себе квартиру, рано или поздно, даже если бы не нашел жену. А вот оформлять документы на ее имя мне, конечно, не следовало.

– Ты идиот? – вытаращился Ду.

– Да, был идиотом. – Хан даже не пытался искать оправдания. – Та девушка убедила меня, что так я докажу свою любовь. Ха, любовь!.. Я не мог мыслить здраво.

– А твои родители? Почему они тебя не остановили?

Хан сглотнул.

– Я им не сказал. Она просила меня молчать. А я выполнял малейшие ее прихоти.

В глазах Ду светилась жалость.

– Значит, она хотела разойтись, но квартиру оставить себе?

Хан понурился.

– Да. Мол, заслужила компенсацию за моральный ущерб.

– Понятно, – Ду снова вздохнул. – Видимо, тогда ты вышел из себя и натворил дел...

Хан замотал головой.

– Нет, я ничего не натворил! Меня подставили!

– Подставили?

– Я не мог потерять и девушку, и все свои деньги разом...

– На такое никто бы не согласился.

Хан взглянул на Ду с благодарностью.

– Так что я пошел к ней и потребовал вернуть деньги за квартиру, но она отказала. От безысходности я был вынужден прибегнуть к самым крайним мерам...

Ду слушал с любопытством. Какие крайние меры имеет в виду этот робкий человек?

Хан помолчал, собираясь с духом.

– Когда мы встречались, я сделал несколько фотографий... ну, в общем, личного характера. И пригрозил выложить их в интернет, если она не вернет мне деньги.

– А потом? – спросил Ду.

– А потом она позвонила и согласилась заплатить. Мы договорились о встрече в кофейне.

– Надеюсь, ты туда не пошел? Тебя точно ждала западня.

– Я не так умен, как ты, поэтому на встречу пошел. Даже чувствовал вину, словно обидел ту девушку... Естественно, никаких денег она возвращать не собиралась. Вместо этого донесла на меня в полицию. Убедившись, что фотографии в моем телефоне, подала сигнал, и через секунду меня окружили полицейские.

– И ты не смог доказать, что она должна тебе деньги за квартиру, – догадался Ду. – Ни расписки, ни других документов она тебе, естественно, не давала. Так ты стал вымогателем. Если потребовал у нее четыреста тысяч, то должен был получить около десяти лет. – Ду озадаченно нахмурился. – погоди, но у тебя ведь пожизненное?

Хан почесал затылок.

– Ну, я... я достал нож.

– Ты? – изумился Ду. – Ты взял с собой нож?

– Да, я носил в сумке канцелярский нож, для работы. Когда появились полицейские, на меня что-то нашло, и я приставил нож к горлу девушки и велел ей отдать мне долг.

– Плохо. Это уже ограбление. – Ду хлопнул себя по колену. – На крупную сумму, да еще и вооруженное... За него дают пожизненное, даже если грабеж не удался. Так что никто тебя не подставлял.

– Почему это? – возмутился Хан. – Я лишь хотел вернуть свои же деньги. Какое тут ограбление?

– С точки зрения закона – ограбление. – Ду пожал плечами. – В конце концов, ты не можешь подтвердить, что она тебе должна.

– Верно, – неохотно согласился Хан и закусил губу. – С точки зрения закона. Но всегда ли закон прав?

– Конечно, нет! – с горячностью ответил Ду. – Закон не в силах защитить всех хороших людей и наказать всех плохих. Порой нужно полагаться на тех, кто действует вне закона.

Хан видел, что Ду взволнован, однако не понимал почему.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил он, но тут же сообразил сам и выпалил: – Эвмениды!

Ду вздрогнул, хотя и старался напустить на себя равнодушный вид.

– Кто-кто?

– Эвмениды! Убийца из интернета. Разве ты не слышал? – Хан загорелся новой идеей. – Он просит сообщать ему о преступниках, ушедших от правосудия, а потом их наказывает...

Ду пожал плечами.

– Я не сижу в интернете.

– Интересно, если я изложу свою историю, он обратит на нее внимание? – бормотал Хан. – Но тогда он убьет девушку, а это уж слишком...

Ду перестал слушать. Он смотрел в окно, погруженный в свои мысли.

Наступило утро, и над горизонтом медленно поднималось солнце.

Глава 2

Бурия

Ресторан «Люйянчунь»

После пяти часов зал ресторана стал наполняться людьми. Он приходил сюда не в первый раз, не впервые и встречался с девушкой, исполнявшей для посетителей музыку. Год назад, когда в аварии погиб его подчиненный Шэн, расследование привело сюда. Он узнал, что Шэн оскорбил скрипачку, однако не смог выяснить, кто встал на ее защиту.

Вскоре братец Хуа получил ответ. Человек по имени Ду Минцянь дал ему фотографию девушки и поручил за ней приглядывать. Хуа презирал Минцяня всей душой, но вынужден был согласиться: Ду тайно сделал запись его разговора с Мэн Фанлянем, одним из вице-президентов корпорации «Луньюй».

После убийства Дэна Хуа, у которого братец Хуа работал телохранителем, корпорация «Луньюй» погрузилась в хаос. Вице-президенты Линь Хэнган и Мэн Фанлян начали борьбу за освободившийся трон. Хуа заключил союз с Мэном, чтобы избавиться от Линь Хэнгана, а потом убрал и самого Мэна. Капитан полиции Ло Фэй раскрыл заговор, однако самую важную улику – запись – так и не раздобыл.

Ду передал ее братцу Хуа вместе с инструкциями относительно девушки. Поэтому, как бы Хуа ни относился к Ду Минцяню, просьбу ему пришлось выполнять. И вот он снова в «Люйянчуне».

Братец Хуа сел в укромном уголке и заказал только бокал вина, который собирался растянуть на весь вечер. Когда в воздухе разлилась музыка, стало понятно, почему Ду так любил это место. Здесь можно было обрести покой – даже тем, чья душа никогда не знает покоя.

Музыка смолкла, и девушка на сцене, отвесив поклон публике, повернулась в сторону столика, за которым сидел Хуа, однако глаза ее остались непроницаемо темными. Хуа знал, что скрипачка слепа. Он сидел с равнодушным видом, перекачивая остатки вина по дну бокала. Когда девушка покинула зал, он, запрокинув голову, выпил все до капли.

Через полчаса девушка зашла в кофейню недалеко от ресторана и заняла привычное место. Она сидела, прислушиваясь к звукам вокруг, словно кого-то ждала. Верная собака-поводырь Нью-Нью расположилась у ног хозяйки. Уже несколько месяцев подряд они приходили сюда, и каждый день зря. Однако девушка продолжала верить, что тот, кого она ждала, однажды появится так же внезапно, как исчез.

Сегодня ее внимание привлек звук приближающихся шагов. Судя по темпу и легкости походки, это был молодой мужчина. Ее сердце зашлось, а потом успокоилось, когда Нью-Нью вскочил и издал низкий предупреждающий рык.

Это не он. Нью-Нью знал его запах и при встрече завил бы хвостом. Девушка расстроилась, затем подступила тревога.

– Привет, – сказал мужчина, подойдя к ее столику.

Через мгновение девушка вспомнила обладателя знакомого голоса.

– Это вы? – Нахмурился брови, она ласково погладила Нью-Нью по голове. Собака вновь уселась у ног девушки, не сводя с мужчины внимательного взгляда.

– Меня зовут Хуа, – ответил он. – Мы уже встречались однажды. Но сегодня я по другому поводу.

Девушка вздохнула с облегчением. Братец Хуа опустил в кресло напротив нее.

– Зачем же вы пришли? – с подозрением спросила она. – И как узнали, что я буду здесь?

– Меня к вам прислали.

– Вы от него? – нетерпеливо воскликнула девушка.

– Да. От него.

Хотя никто не назвал имени, она твердо знала, о ком идет речь. Прошло несколько секунд, прежде чем она смогла унять волнение.

– Где он сейчас?

Ответ ей не понравился.

– Он не хочет, чтобы вы знали слишком много.

Девушка мрачно улыбнулась, поняв, что на все свои вопросы услышит такой же ответ. Впрочем, кое-какую информацию она все же получила: он жив, здоров и по-прежнему о ней заботится. Эта мысль ее утешила.

– Тогда что вам нужно?

– Он обещал восстановить вам зрение, верно?

Помедлив немного, девушка кивнула. Братец Хуа продолжил:

– Он не может прийти лично, поэтому поручил мне помочь вам, чтобы сдержать свое слово.

– Не может прийти лично... – повторила она, пытаясь разгадать скрытое значение слов Хуа. – Не может только сегодня? Или вообще?

У Хуа не хватило смелости сказать правду. Помявшись, он пробормотал:

– Не знаю.

Девушка молча опустила голову.

– Мне нужно ваше удостоверение личности, – произнес он, меняя тему.

– Зачем?

– Я договорился с американским хирургом. Все улажено, надо только доставить вас на операцию. Дайте мне документ, и через пару дней будет готова виза.

Девушка кивнула и потянулась к сумочке, а Хуа мысленно похвалил себя за умение вызывать доверие, хотя оно и строилось на фундаменте, заложенном другим человеком. Он взгляделся в лицо собеседницы. Белая кожа, тонкие черты, изящный профиль – было в ней что-то неземное...

Хуа видел много красавиц, однако всем им будто не хватало чего-то важного, чем обладала эта скрипачка. Теперь он не мог не завидовать Ду Минцяну. Что за история его с ней связывает?.. Тем не менее внешне Хуа оставался нарочито бесстрастным – не любил показывать эмоции. Привычка, выработанная годами.

* * *

Попрощавшись с девушкой, он поехал обратно в «Триумфальную арку». Лучший пятизвездочный отель в самом центре Чэнду по счастливому совпадению принадлежал корпорации «Луньюй».

Хуа не стал подниматься в свои апартаменты, а пошел в сауну на втором этаже. Там принял ванну, потом вздремнул в комнате отдыха. Через некоторое время в дверях показался сотрудник отеля.

– С возвращением, господин Хуа, – с поклоном произнес он. – Прислать вам массажистку?

Легкий кивок – и он, заискивающе улыбнувшись, вылетел из комнаты. Хуа был местным завсегдатаем, и его предпочтения уже знали. Вскоре сотрудник вернулся с красивой молодой женщиной.

– Что скажете?

Хуа рассматривал ее несколько секунд, потом отрицательно качнул головой. Через минуту явилась новая красавица. Эта могла похвастать длинными ногами, тонкой талией и аристократической осанкой. Однако Хуа снова был недоволен. Помедлив, он сказал:

– Приведите сразу несколько, чтобы я мог выбрать.

– Конечно! – Сотрудник с поклоном удалился.

Когда дверь снова открылась, в комнату вошло столько девушек, что в ней почти не осталось места.

– Господин Хуа, кто-нибудь из них отвечает вашему вкусу?

Взгляд Хуа скользил по комнате, пока не остановился на хрупкой фигурке в самом углу. Девушка застыла в неподвижности, пока другие старались получше продемонстрировать свои достоинства.

– Выбираю вон ту. – Хуа указал на девушку.

Сотрудник проследил взглядом за пальцем Хуа.

– Ее?.. Похоже, ваши вкусы изменились, – улыбнулся он и подтолкнул девушку вперед. – Иди, сегодня тебе повезло. Ты понравилась господину Хуа.

Та склонила голову и прошептала «господин Хуа», кокетливо играя прядью волос. Остальные девушки выскользнули за дверь.

– Как тебя зовут? – спросил Хуа.

– Мин-Мин. – Она присела на край кровати. – Господин Хуа, вы трудились весь день, теперь нужно отдохнуть...

Хуа закрыл глаза. Пока нежные руки скользили по его телу, он будто слышал прекрасную мелодию.

* * *

Возможно, благодаря усилиям Мин-Мин братец Хуа так хорошо спал той ночью. Когда он проснулся в своем номере на следующий день, солнце уже давно поднялось. Он встал и раздвинул шторы – теплый свет ранней весны, ворвавшись в комнату, принес с собой томную радость.

Хуа взглянул на часы – четверть девятого. Пора ехать на аукцион в здание «Луньюй».

Недавний бум на рынке недвижимости привлек множество инвесторов. Земля, выставленная на торги, находилась в перспективном районе Синьчэн. Если получится купить этот участок, в следующие пять лет он будет приносить немалую прибыль. Что еще важнее, Хуа сможет использовать землю, чтобы привлечь к управлению «Луньюй» вдову Дэн и ее сына. Когда в корпорации у них появятся преданные сторонники, предсмертное желание господина Дэна будет исполнено, и Хуа наконец сложит с себя бремя огромной ответственности.

Пока он собирался, зазвонил телефон. Мельком посмотрев на экран, Хуа ответил на звонок.

– Слушаю, братец Лун.

Лун был доверенным лицом вице-президента Линь Хэнгана. После смерти президента Дэна он надеялся, что высокий пост займет Линь, однако и тот вскоре погиб, поэтому Лун остался не у дел. Хуа чувствовал: ничего хорошего этот звонок не сулит.

– Привет, Хуа! – Голос Луна звучал добродушно. – Давненько не виделись. Хочу пригласить тебя на обед.

– Хорошо, а когда? И что случилось?

– В ресторане «Могучий океан». Поспеши.

– Прямо сейчас?

– Да. Я уже здесь, жду. До встречи!

– Лун, я не смогу. У меня весь день занят. Есть один участок земли...

– Да, я знаю, – со смехом перебил Лун. – А зачем еще я бы тебя звал? Обсудить аукцион, конечно!

Хуа замер, размышляя, какое отношение Лун имеет к аукциону. Решив выяснить самостоятельно, он наконец ответил:

– Ладно, выезжаю.

Затем умылся, вышел из номера и через полчаса подъехал к «Могучему океану». У входа, оглядываясь по сторонам, стоял братец Лун.

– Ничего себе, как ты быстро! – Он похлопал гостя по плечу. – Идем на третий этаж, я забронировал нам отдельный зал.

Хуа последовал за Луном вверх по лестнице. На третьем этаже они услышали громкий лай. Вдруг из-за угла выскочила немецкая овчарка. Собака неслась на них: Лун отпрянул назад, Хуа пригнулся, готовый к бою. Однако за мгновение до того, как собака прыгнула на него, раздался чей-то голос:

– Шрам, ко мне!

Овчарка послушно развернулась и потрусилась к хозяину. Мужчина шагнул вперед, схватил виляющую хвостом собаку за ошейник и потрепал по шее.

– Ох, директор Гао, ваша собака меня чуть до приступа не довела, – выдохнул Лун, хватаясь за сердце.

– Пес плохо воспитан, не держите на него зла. Прошу, входите.

Директору Гао на вид было за сорок; на узком лице выделялись ястребиный нос и маленькие пронизательные глазки. Хуа вопросительно посмотрел на своего спутника.

– Сейчас объясню, – спохватился Лун. – Дело в том, что я лишь передал приглашение. На обед тебя звал господин Гао. – Он кивнул на бывшего коллегу. – Это мой младший братец Хуа. Вы оба крупные фигуры в бизнесе. Думаю, других представлений вам не требуется.

Хуа застыл на месте. Директор Гао и впрямь не нуждался в представлении, его имя и так было на слуху. Десять лет назад, когда Хуа только начал работать на господина Дэна, тот сказал: «Если меня однажды убьют и ты захочешь отомстить, в первую очередь ищи Гао Дэсэна. В этом городе никто не ждет моей смерти больше него».

С тех пор Хуа следил за каждым движением Гао и прекрасно знал, что тот занимает видное место и в легальном, и в теневом бизнесе. Хуа долгие годы готовился к конфликту между Гао и Дэном, который рано или поздно должен был произойти. Однако «Луньюй» все росла, директор Дэн обретал все больше власти, а Гао не предпринимал ровным светом ничего. Казалось, его устраивало держать под контролем южные районы города, и битвой за центр Чэнду он не интересовался. В конце концов господин Дэн стал настолько влиятелен, что Хуа уже и забыл о существовании конкурента.

Теперь все изменилось. Дэн Хуа убит Эвменидами, и вот снова объявился Гао. Что бы это значило?

Естественно, директор Гао догадался, о чем размышляет Хуа.

– Мне следовало пригласить вас лично, – улыбнулся он, – однако мой внезапный звонок вас насторожил бы. Поэтому я использовал посредника – Луна. Надеюсь, вы не против.

Поняв, что Гао рассчитывает на непринужденную беседу, Хуа ответил спокойно:

– Давайте отбросим формальности. Вы угощаете, я угощаюсь. Что тут такого? Все мы братья, и сегодня нам выпала возможность разделить трапезу.

Лун рассмеялся.

– Я же говорил! Братец Хуа всегда готов к диалогу... Ну, идем.

Он обнял Хуа за плечи и проводил в ресторанный зал, обставленный роскошно и со вкусом. Круглый стол не меньше четырех метров в диаметре был сервирован на троих. Несколько молодых официантов, поджидавших у входа, разом поклонились и хором произнесли:

– Доброе утро!

Гао, даже не взглянув на них, указал на почетное место за столом.

– Прошу, господин Хуа, садитесь.

– Вы слишком добры, – вежливо ответил Хуа.

Он опустился в предложенное кресло. Гао усадил Луна справа, а сам сел слева. Шрам устроился рядом с хозяином. Пес был такой огромный, что даже сидя оказался ростом с человека века. Лун неотрывно глазел на него.

– Чистокровная немецкая овчарка! Как такого не любить!

– Его привезли из Германии по моей просьбе, и с тех пор мы неразлучны. Съедает пару килограммов мяса в день. – Директор Гао погладил Шрама по макушке. – Видите у него на левом ухе шрам? Два года назад на меня напали, и собака заслонила от ножа.

– Вот это настоящий друг! – воскликнул Лун. – Вот почему вы его так назвали.

Хуа сидел молча, не проявляя интереса к беседе. Заметив это, Гао повернулся к нему.

– Вы равнодушны к собакам?

– Я человек простой, в породах не разбираюсь. Разве что собачье мясо ем с удовольствием.

Лун хихикнул, похлопывая Хуа по плечу.

– Вряд ли ты сможешь себе позволить блюдо из такой собаки. Чистокровная овчарка стоит десятки тысяч.

Директор Гао тоже рассмеялся.

– Человек простой, говорите? Что ж, с простым человеком и дела вести просто. Ходить вокруг да около не нужно, а мне это по нраву. – Он махнул рукой официантам. – Принесите господину Хуа меню.

Молодой официант тут же аккуратно положил меню на стол перед Хуа. Однако тот даже на него не взглянул.

– Я доверяю право выбора хозяину.

Официант застыл в нерешительности и вопросительно посмотрел на Гао.

– Хорошо, тогда я закажу сам, – кивнул директор.

Официант убрал меню и протянул Гао блокнот.

– Я тут завсегда, – объяснил Гао своим гостям – Никогда не смотрю меню. Просто записываю названия блюд, а повара заботятся об остальном. – Он поводит ручкой по бумаге, затем вернул блокнот официанту. – Скажи повару, чтобы не мешкал. Мы хотим скорее приступить к еде.

– Будет сделано, – официант поклонился.

Гао снова погладил Шрама.

– Ты тоже должен уйти, я хочу побеседовать с гостями наедине, – ласково произнес он, будто говорил с любимым сыном.

Шрам гавкнул в ответ, затем встал и, виляя хвостом, пошел за официантом. Юноша, держа меню в одной руке, другой взял пса за ошейник и вывел из зала.

Вскоре на столе расставили блюда с холодными закусками, а в бокалы налили изысканного вина. Официант, принимавший у Гао заказ, видимо, остался на кухне, чтобы поторапливать повара.

Директор Гао поднял бокал.

– Спасибо, что почтили меня своим присутствием. Прежде чем мы начнем говорить о делах, я хочу выпить за вас обоих. Ваше здоровье! – Он осушил свой бокал.

– Благодарю, господин Гао! – ответил Лун и последовал его примеру.

Хуа промолчал, однако тоже выпил вино до капли. У стола немедленно возник официант, который снова наполнил бокалы, и Гао произнес небольшую речь, как обязывает традиция:

– Хотя все мы живем в одном городе, за последние несколько лет почти не виделись. Вот почему я решил сегодня пригласить вас на обед. Не ищите скрытого умысла; я лишь хочу возобновить знакомство и надеюсь, что впредь мы станем встречаться чаще.

Он снова залпом выпил вино, Лун сделал то же самое.

– Хорошо сказано! Все мы следуем своей дорогой, однако на кого можно положиться, как не на своих братьев? В единстве наша сила.

Хуа снова выпил молча. Почувствовал исходящее от него напряжение, Гао спросил без обиняков:

– О чем вы думаете?

Наконец Хуа заговорил, водя пальцем по опустевшему бокалу:

– Я согласен, необходимо налаживать связи. Директор Гао, вы старший из нас, поэтому надеюсь на вашу поддержку.

Лицо Луна прояснилось – братец Хуа включился в игру.

– Например, сегодня «Луньюй» купит землю на аукционе, – продолжил Хуа. – Я рассчитываю получить от вас, господин Гао, советы относительно этого участка. В конце концов, я начал управлять компанией совсем недавно, мне во многих областях не хватает опыта...

Гао молча облизнул губы, Лун натянуто улыбался. Они пригласили Хуа, чтобы поговорить о предстоящих торгах, однако он нанес упреждающий удар и ясно дал понять, что намерен купить землю. Хуа их переиграл, и теперь Гао не знал, как повернуть беседу в нужное ему русло. Повисла тишина, пока Лун не попытался исправить положение:

– Давайте вернемся к делам позже. Сначала нужен третий тост. Господин Гао, позвольте выпить теперь за вас.

Лун поднял бокал, однако Гао коснулся его руки, давая знак помолчать.

– Хуа, вы и впрямь прямолинейный человек. Что ж, коль скоро вы затронули эту тему, давайте выложим карты на стол. Я тоже заинтересован в покупке.

– Тогда после аукциона я угощу вас выпивкой в качестве извинения, поскольку земля достанется мне.

Хуа говорил беззаботно, словно участок уже у него в кармане. Директор Гао отпил вина и вздохнул.

– Братец Хуа, мне известно, насколько влиятельна корпорация «Луньюй». Если вы намерены выиграть торги, остановить вас никто не в силах. Но к чему нам распри? Они только расшатывают бизнес. Я надеюсь, вы достаточно доверяете мне, чтобы выслушать.

Хуа поставил бокал на стол и жестом показал, что готов слушать, – узнать противника никогда не повредит.

– Когда президент Дэн еще был с нами, – начал Гао, – пожелай он земельный участок, никто даже не посмел бы возразить. Однако теперь, когда его нет, ситуация стала сложнее. Ван из восточного Чэнду, Фэн из пригорода и еще несколько воротил кружат над этой землей, как стервятники. Даже если вы выиграете аукцион, цена может оказаться намного выше, чем вы ожидаете.

Хуа кивнул, признавая правоту Гао. Тот, воодушевившись, сделал следующий ход:

– Зато если мы объединим усилия, торги пройдут по-другому.

– Почему?

– Не буду лгать: я потратил последние несколько дней на то, чтобы нейтрализовать возможных конкурентов. Они придут сегодня забавы ради, но на поле боя будем только мы с вами. Если никто не станет особенно торговаться, землю продадут за бесценок.

Хуа решил не тянуть резину.

– И кому же она достанется?

Гао расплылся в улыбке.

– Как вы сами признались, опыта в строительстве у вас нет. Почему бы не позволить старшему товарищу купить эту землю? Организуем совместную работу, а я позабочусь о том, чтобы вы получили прибыль.

– А я могу поручиться! – Лун ударил себя в грудь кулаком. – Директор Гао свое дело знает, в накладе ты не останешься.

– Пообещав позаботиться о прибыли, вы имели в виду прибыль для меня лично или для «Луньюй»? – спросил Хуа.

Гао расхохотался.

– А велика ли разница? На мой взгляд, лучше всего вообще объединить «Луньюй» с моими предприятиями. Активы компании будут считаться вашей долей в моем консорциуме.

Намерения Гао стали ясны: он хотел с помощью Хуа и Луна раздробить и поглотить «Луньюй». Причем Лун, очевидно, об этих планах тоже слышал впервые. Он округлил глаза от удивления и шумно сглотнул. Хуа молча рассматривал скатерть.

– Вот теперь можно и выпить! – Директор Гао осушил третий бокал.

Лун тоже собирался, однако медленно поставил бокал на стол, заметив, что братец Хуа сидит неподвижно. Гао ждал подобной реакции, поэтому ничуть не стушевался.

– Похоже, господина Хуа все еще мучают сомнения в моей искренности. И зря, совершенно зря! – Он обратился к официанту, стоявшему позади его кресла: – Поторопи-ка повара. Выпили мы уже порядочно, а горячего все нет.

Официант выскочил за дверь и через минуту вернулся.

– Главное блюдо готово, господин Гао. Сейчас подадут.

Гао кивнул, и официант снова занял прежнюю позицию. Вдруг зал наполнился восхитительными ароматами. Хуа еще даже не завтракал, и его желудок громко заурчал.

Послышались торопливые шаги, и в комнату вбежал юноша, который принимал у Гао заказ. В руках он держал внушительных размеров горшок. Гао кивнул, и угощение поставили перед Хуа. Горшок оказался полон тушеного мяса, и один из официантов разложил его по тарелкам.

Мгновение спустя Лун уже уплетал еду и бормотал с набитым ртом:

– Неплохо, неплохо... У директора Гао даже повара превосходные!

Сам Гао тоже проглотил пару кусочков.

– Господин Хуа, ешьте скорее. Мы приготовили это блюдо специально для вас.

– Для меня? Тогда я обязан попробовать. – Он не хотел проявить неуважение, поэтому взял палочки, но, прежде чем положить кусок в рот, спросил между прочим: – А что это за мясо? Очень ароматное.

– Собачье, – усмехнулся Гао.

– Собачье? – Хуа замер.

– Вы ведь сами сказали, что в собаках не разбираетесь, но любите их мясо. Вот я и велел нарезать Шрама и приготовить из него еду. Приятного аппетита! – Гао отчетливо произносил слова и сверлил Хуа взглядом, наблюдая за реакцией.

Лун округлил глаза и выплюнул на тарелку наполовину пережеванное мясо.

– Погодите... Это Шрам? Ваш пес?! Директор Гао, зачем вы так поступили?

– Что значит пес в сравнении с дружбой? – Гао как ни в чем не бывало отправил в рот кусок мяса.

Хуа застыл с палочками в руках. Он смотрел на мужчину с ястребиным носом, сидящего рядом, и чувствовал, как по спине катится ледяная волна, пробирая его холодом до костей. Раньше он не встречал человека настолько безжалостного.

Пустить любимого пса на тушеное мясо – нет, это вовсе не демонстрация искренней дружбы. Еще больше Хуа тревожило то, что Гао отдал приказ, написав пару строк в блокноте,

и никто из подчиненных не возразил. Очевидно, директор привык, чтобы его распоряжения выполнялись беспрекословно. Он правит железной рукой.

Гао заметил, как изменилось настроение гостей, и налил себе еще вина.

– Давайте поднимем бокалы. Теперь, когда на столе прекрасное мясо, нет причин воздерживаться.

Он выпил вино, не сводя глаз с Луна и Хуа. Выдержать его тяжелый взгляд было нелегко. Братец Лун опешил настолько, что едва мог дышать. Наконец, собравшись с духом, он взял свой бокал и медленно поднес к губам. Хуа долго молчал, а затем произнес:

– Я ценю ваше гостеприимство, директор Гао, однако, боюсь, это мясо съесть не могу.

Гао был разочарован, однако не удивлен. Вздохнув, он поставил пустой бокал обратно на стол.

– Если вы даже от тушеного мяса отказываетесь, мне больше нечего вам предложить.

– Понимаю. – Хуа поднялся на ноги. – Что ж, до свидания.

И, не дожидаясь ответа, покинул зал.

* * *

Хуа вышел из ресторана «Могучий океан» в полдень. Яркое светило солнце, дул теплый ветерок, но на душе у него свирепствовала буря.

В половине третьего Хуа с несколькими помощниками стоял в холле на первом этаже бизнес-центра, где проводился аукцион. Директор Гао Дэсэн с сигаретой во рту уже сидел в центре зала. Его приветствовал каждый участник торгов, входивший в дверь. По улыбкам, которыми они обменивались друг с другом, становилось ясно, что договоренность действительно существует.

Увидев Хуа, директор Гао встал и помахал ему рукой. Хуа лишь кивнул в ответ, а потом, сохраняя невозмутимое выражение лица, занял место в углу. Сейчас нужно было сосредоточиться. Подготовку к торгам в «Луньюй», разумеется, провели заранее...

– Участок, выставленный на аукцион, имеет площадь шестьдесят му, то есть сорок тысяч квадратных метров. Умножаем на два – значит, с него можно получить восемьдесят тысяч полезной площади. Недвижимость в этом районе продается по три тысячи юаней за метр. На строительство уйдет около тысячи юаней на квадратный метр. Значит, чтобы окупить затраты, нужно потратить не больше двух тысяч за метр. Тогда за участок мы сможем предложить максимум сто шестьдесят миллионов юаней. Однако следует учесть и то, что со временем рыночная стоимость объекта возрастет. По нашим оценкам, в течение двух лет цены превысят четыре тысячи юаней за квадратный метр. Это поднимает наш потолок до двухсот сорока миллионов.

Такие расчеты может сделать кто угодно. Тем не менее у «Луньюй» есть и туз в рукаве: возможность получить с участка больше полезной площади, о чем хлопотал сам президент Дэн. Значит, у нас будет сто двадцать тысяч квадратных метров, которые мы продадим за триста шестьдесят миллионов. Вот наша красная линия для аукциона.

Если принять во внимание то, насколько важен участок для Гао Дэсэна, за лимиты можно выйти. Если Гао предложит триста шестьдесят, мы поднимем ставку до четырех сотен. Опасная сумма, есть вероятность остаться без прибыли или даже понести убытки. Однако «Луньюй» может себе это позволить. Риск стоит того, чтобы сокрушить Гао Дэсэна. А если он продолжит повышать цену, мы просто дадим ему купить участок: земля за четыреста миллионов утянет его на дно...

Анализ проводил главный консультант «Луньюй», чьей расчетливости и скрупулезности Хуа полностью доверял. Его не волновало, что будет делать Гао Дэсэн. От Хуа требовалось только придерживаться плана, а с последствиями «Луньюй» разберется.

Торги открылись в три часа. Ведущий огласил имена участников и начальную ставку – сто двадцать миллионов юаней.

– Сто двадцать пять! – крикнул невысокий коренастый мужчина в первом ряду.

Женщина средних лет повысила до ста двадцати восьми.

– Сто тридцать.

– Сто тридцать пять.

– Сто сорок.

Ставки поступали одна за другой, каждый раз увеличиваясь лишь немного. Хуа равнодушно наблюдал, зная, что серьезных конкурентов нет. Директор Гао тоже выжидал, пока остальные участники откроют свои карты.

– Сто восемьдесят, – наконец сказал он.

Все тут же замолчали, словно по команде.

– Сто восемьдесят миллионов – раз, – произнес ведущий.

Директор Гао выпустил кольцо дыма и обернулся, чтобы посмотреть на Хуа. Ожидания оправдались – прежде чем ведущий успел снова открыть рот, Хуа назвал свою ставку – негромко, но отчетливо:

– Триста!

В зале поднялся шум, все взгляды устремились на человека в углу. Он назвал сумму намного выше ставки Гао; большинство собравшихся вообще не думали, что эта земля может столько стоить. Естественно, люди удивились.

Именно такого эффекта и ждал Хуа. Он был уверен, что Гао не отступит и будет повышать ставки дальше, так почему бы не сэкономить время? Под изумленными взглядами Хуа посмотрел на директора Гао, не позволяя ни одной эмоции отразиться на лице. Гао отвел глаза, швырнул сигарету на пол и яростно ее растоптал.

– Триста миллионов юаней – раз, – огласил ведущий.

Теперь все уставились на директора Гао.

Хуа знал: у соперника тоже есть ресурсы, чтобы выжать из участка больше площадей под продажу, и битва не кончится на трех сотнях.

– Триста миллионов юаней – два.

Директор Гао все еще боролся с несчастным окурком. Люди начали перешептываться, даже Хуа был слегка озадачен. Гао вел себя так, словно зашел сюда случайно и не имеет к торгам никакого отношения.

Других ставок не последовало, и ведущий ударил молоточком по специальной подставке.

– Продано за триста миллионов юаней!

Только тогда директор Гао поднял голову. Он выглядел весьма довольным, с улыбкой поздравил Хуа, и тот понял, что где-то просчитался. Однако на раздумья времени не оставалось.

– Прошу подойти ко мне представителей корпорации «Луньюй», – сказал ведущий. – Необходимо подписать документы.

Хуа в сопровождении юриста, финансового аналитика и бухгалтера вышел к аукционисту. На столе высилась стопка документов.

– В течение трех рабочих дней вы должны внести десять процентов от общей суммы в качестве залога. Иначе сделку признают недействительной и земля перейдет к участнику, предложившему вторую по величине ставку.

Хуа начал подписывать бумаги, давая указания бухгалтеру:

– Позвони в банк, договорись о встрече. Деньги переведем завтра.

Бухгалтер кивнул и отошел в сторону, чтобы сделать звонок. Две минуты спустя Хуа закончил с документами, поднял глаза и увидел на лице бухгалтера панику. Еще сжимая в руке телефон, тот выдохнул:

– Господин Хуа, наши счета... заморожены!

Хуа вскочил на ноги. Его взгляд сам собой остановился на кресле в центре зала. Гао Дэсэн не торопясь закурил еще одну сигарету, и его губы дрогнули, словно он пытался сдержать ухмылку.

* * *

Приехав в главный офис «Луньюй», Хуа понял, что ситуация серьезная. У входа стояли несколько полицейских машин. Люди в форме сновали туда-сюда, складывая в багажники компьютеры и ноутбуки.

Сотрудники офиса рассказали, что полиция прибыла около часа назад. Выведя из здания людей, полицейские разделились на команды: одни искали документы, другие конфисковывали технику.

Старшего офицера Хуа нашел в кабинете на восемнадцатом этаже. Тот предъявил удостоверение и объяснил:

– Мы из отдела расследований. Корпорацию «Луньюй» обвиняют в финансовых махинациях. Надеемся, вы будете сотрудничать со следствием.

Спорить с полицейскими Хуа не собирался и поехал с ними в участок. Вести себя на допросах он умел: какой бы вопрос ему ни задавали, отвечал, мол, взял на себя управление лишь недавно. Так Хуа при любом варианте развития событий смог бы сослаться на то, что был не в курсе.

Тем не менее внутри него нарастала паника. Каждый вопрос полицейских касался серьезных нарушений закона. Если хоть одно из них удастся доказать, «Луньюй» будет на грани краха.

Полуофициальный допрос длился всю ночь. На следующее утро Хуа отпустили, предупредив, чтобы не покидал город.

Проведя более десяти часов со служителями закона, даже крепкий Хуа чувствовал себя измотанным. Он взял такси и вернулся в отель «Триумфальная арка», готовый сразу лечь в постель. Однако перед отелем увидел еще больше полицейских машин и толпу людей. Несколько портье и горничных топтались за оцеплением, отчаянно пытаясь заглянуть внутрь здания. Рядом полицейские, судя по всему, опрашивали постояльцев.

Хуа чувствовал, как его заполняют ярость и тревога. Офис «Луньюй» обыскивали, поскольку расследование вели в отношении корпорации. Только «Триумфальную арку» президент Дэн оформил на имя жены. Кое-какие сомнительные услуги там оказывали, однако в целом отель работал в рамках закона. Почему же и его заполонили полицейские?

Хуа перешагнул через низко натянутую желтую ленту и вошел в здание.

– А ну стой! – завопил один из полицейских, хватая Хуа за рукав. – Куда собрался?

– Я владелец, – ледяным тоном ответил Хуа. – Что вы здесь делаете?

– Владелец? – Полицейский оглядел его с головы до ног. – Мы из уголовного розыска. Ведем расследование.

Уголовный розыск? Хуа облегченно вздохнул. Если это не Служба общественной безопасности, то финансы отеля здесь ни при чем.

Краем глаза Хуа заметил, как несколько полицейских закончили опрос постояльцев и направились ко входу. Главным, похоже, был мужчина в штатском. Разглядев его лицо, Хуа вздрогнул. Полицейский тоже опешил.

– Опять вы?! – вырвалось у него.

Перед Хуа стоял не кто иной, как капитан Ло Фэй из уголовной полиции. Пару месяцев назад, когда Хуа организовал убийство вице-президентов Линя и Мэна, именно Ло Фэй разгадал его план. К счастью, со смертью капитана Ханя Хао следствие лишилось основных

улик. Дело осталось нераскрытым, а между Хуа и Ло Фэем установились отношения холодной вражды.

Хуа вновь встревожился, однако не позволил чувствам проступить на лице.

– Здравствуйте, капитан. – Он протянул Ло Фэю руку.

Тот пожал ее, вежливо ответив на приветствие.

– Здание принадлежит вам?

– Да. В чем дело?

– В наркотиках, – сказал Ло Фэй. – Мы уже неделю наблюдаем за дилером.

– Ясно.

Хуа несколько лет не имел дела с наркотиками – значит, расследование с ним определенно не связано.

– Здесь совершались сделки?

– Да.

– А если вы лично возглавляете операцию, капитан, значит, преступник у вас на мушке...

– Он уже арестован, но мы не нашли его тайник. – Ло Фэй огляделся. – Товар хранится в этом здании.

Хуа мрачно улыбнулся: полиция не пустит никого в отель, пока не найдутся спрятанные наркотики.

– Надеюсь, вы скоро закончите, – сказал он. – Каждый день простоя обходится нам в сто тысяч юаней.

– Сделаем все возможное. Ладно, мне пора.

Ло Фэй повернулся и ушел. Хуа тоже решил покинуть отель и попытался поймать такси, когда вдруг кто-то окликнул его по имени. Он обернулся и увидел стройную хорошенькую девушку, которая с мольбой смотрела на него. Одета она была так легко, что дрожала от холода.

– Мин-Мин? – Он узнал девушку, которая обслуживала его прошлой ночью. – Что ты здесь делаешь? Почему не оделась теплее?

Мин-Мин надула губы.

– Моя одежда в отеле, а туда теперь не попасть.

Девушки, недавно получившие работу, жили в общежитии при отеле, так что ей действительно некуда было идти. После недолгих раздумий Хуа предложил:

– Тогда пойдем со мной.

– Спасибо, господин Хуа! – Ее лицо прояснилось так же быстро, как небо в июне.

Он остановил такси и усадил Мин-Мин на заднее сиденье. Когда хотел сесть рядом с ней, зазвонил телефон. Хуа взглянул на экран – управляющий «Города грез», одного из немногих высококлассных ресторанов в городе, который Дэн Хуа также зарегистрировал на имя жены перед смертью.

Стоило лишь нажать на кнопку ответа, как раздался встревоженный голос:

– Господин Хуа, скорее приезжайте, у нас проблема!

– Уже еду.

Он не стал расспрашивать управляющего, просто сбросил звонок и попросил Мин-Мин выйти из машины.

– Как же так, господин Хуа? – Она готова была заплакать.

Хуа вынул из кармана кошелек и дал Мин-Мин двести юаней вместе со связкой ключей.

– Квартал девятнадцать, Шуйсян, дом четырнадцать ноль два. Доберешься сама. – Не дожидаясь ответа, он прыгнул в такси и захлопнул дверцу. – Ресторан «Город грез», и побыстрее!

Управляющий ждал у входа. Ма Ляну было немногим больше двадцати, но к своим обязанностям он относился серьезно и не стал бы беспокоить руководство по пустякам.

– Что случилось? – спросил Хуа, быстро шагая к дверям.

Ма Ляну пришлось перейти на бег, чтобы не отставать.

– Сегодня утром пришла группа мужчин, – пропыхтел он. – Заняли по одному столику, каждый заказал только бутылку пива и картофельный салат.

Даже не дослушав до конца, Хуа понял, почему встревожился Ма Лян. За каждым столиком в ресторане на первом этаже сидел рослый парень с бритой головой, неторопливо поедая картофель и запивая его пивом.

– Посмотрите только! Другие клиенты даже войти не смеют... – Ма Лян вздохнул.

Вдобавок ко всему многие бритоголовые закатали рукава, демонстрируя не слишком изящные татуировки и ясно давая понять, что состоят в банде. Ели они нарочито медленно, отправляя в рот по одному крошечному кусочку. Такими темпами они даже к закрытию не закончили бы.

– Кто здесь главный? – пробормотал Хуа, оглядывая посетителей.

Мужчины его заметили, но дружно промолчали и сделали вид, что заняты трапезой. Ма Лян покачал головой.

Хуа немного подумал, а затем прошептал Ма Ляну:

– Иди, скажи повару приготовить по одному блюду для каждого стола. Вызови еще официанток, чтобы еду принесли всем одновременно. И пусть они громко объявят, мол, это комплимент от хозяйина заведения.

Ма Лян не понял, чего желает добиться Хуа, однако с готовностью кивнул. Он сделал шаг в сторону кухни, затем повернулся и спросил:

– А что приготовить?

– Картофельный салат, – без колебаний ответил Хуа. – Судя по всему, они его очень любят.

Ма Лян поспешил к повару, а Хуа встал у бара в дальнем конце зала и, опершись на стойку, наблюдал за непрошеными гостями. Они, игнорируя его, продолжали есть и пить, поулочки медленно поднося ко рту палочки и стаканы.

Минут через десять вернулся Ма Лян.

– Все готово.

Хуа кивнул.

– Тогда вперед.

– Входите! – звучно объявил Ма Лян.

По его сигналу из кухни появилась целая шеренга официанток. Они вышли в центр зала, потом каждая направилась к своему столу и поставила тарелку перед бритоголовым со словами:

– Картофельный салат от господина Хуа, приятного аппетита!

Работали они настолько слаженно, что не прошло и десяти секунд, как блюдо с угощением очутилось на каждом столе.

Такого развития событий явно никто не ожидал. Растерянные посетители разом повернули головы и уставились на мужчину в юго-восточном углу зала, сидящего за сорок восьмым столиком.

Ему было едва ли больше тридцати, на правой руке красовалась татуировка – зеленая сосна. В отличие от своих коллег, он остался невозмутим и даже поблагодарил официантку, прежде чем взять палочки для еды и попробовать салат из новой тарелки. Другие последовали его примеру и вновь принялись есть.

На лице Хуа мелькнула холодная улыбка. Он взял бутылку байцзю⁵ с барной стойки и, велев Ма Ляну принести два стакана, направился к сорок восьмому столику.

⁵ Байцзю – традиционный крепкий алкогольный напиток, похожий на водку.

Человек с татуировкой сосны лишь на мгновение поднял глаза, когда Хуа приблизился, и продолжил не спеша есть салат. Хуа сел напротив. Вскоре подбежал Ма Лян и поставил на стол два стакана.

– Как тебя зовут? – спросил Хуа.

Мужчина отложил палочки и пристально посмотрел на Хуа, прежде чем ответить:

– Какая разница? Я обычный бандит. Друзья зовут меня Пятый.

Хуа кивнул и налил две большие порции байцзю. Один стакан он поставил перед Пятым, другой поднял, приглашая собеседника выпить.

– Думаю, пиво для тебя слабовато. Не хочу хвастать, но у нас отличный алкоголь. Это за счет заведения.

Пятый усмехнулся.

– Я планирую приходить сюда каждый день. Ты сможешь позволить себе угощать меня выпивкой?

– Ну, кто-то же платит вам за то, чтобы вы ежедневно пили здесь пиво. Значит, я в ответ буду наливать тебе байцзю. – Хуа придвинул Пятому стакан и добавил вкрадчиво: – Или ты предпочитаешь другой напиток?

Пятый нахмурился.

– Дело не в том, что я предпочитаю, а в том, хочу ли я с тобой пить. Братец Хуа, ты ведь отказался есть угощение от председателя Гао. Чего же ты ждешь от меня? Разве я похож на человека, который за стакан байцзю переметнется на другую сторону?

Хуа посмотрел на Пятого с уважением и после минутного молчания сказал:

– Признаю, я был не прав. В наказание выпью этот байцзю.

Он осушил свой стакан. Взгляд Пятого стал чуть дружелюбнее.

– Что ж, вреда не будет. – Пожав плечами, он отхлебнул пива из своего стакана.

Поняв, что соглашения им не достичь, Хуа молча забрал бутылку и ушел. Ма Лян последовал за ним к барной стойке.

– Лян, звони Леопардовой Голове, попроси собрать ребят, – сказал он, ставя бутылку обратно на полку.

При одном упоминании звучного прозвища у Ма Ляна округлились глаза. Он прошептал:

– Господин Хуа, будет драка?

– Да. У нас нет выбора.

– Тогда давайте сражаться! – Ма Лян дрожал от волнения. – Будут знать, с кем связались. Пусть им этот салат поперек горла встанет!

Хуа обернулся и посмотрел на него.

– Ты в своем уме? Что будет с рестораном, если мы устроим здесь побоище? Попроси Леопардовую Голову собрать ребят в ночном клубе «Дворец».

Ма Лян понял, что перегнул палку, и, сконфуженный, пошел на кухню, на ходу вынимая из кармана телефон.

* * *

Ночной клуб «Дворец» находился на площади в центре Чэнду. Согласно легенде, именно там сотни лет назад некий император во время государственного визита велел построить себе временную резиденцию. Недавно городские власти превратили этот участок в развлекательную зону, оформленную как огромный сад. Дэн Хуа купил здание на краю площади и устроил в нем ночной клуб.

Бизнес был зарегистрирован на имя госпожи Дэн. Даже на вершине успеха Дэн Хуа ни на секунду не забывал о том, как рискованно владеть крупной корпорацией. Поэтому он позаботился о жене, оставив ей три заведения, не входящих в состав «Лунъюй»: отель «Триумфаль-

ная арка», ресторан «Город грез» и ночной клуб «Дворец». Чтобы не волноваться о будущем супруги, Дэн поручил их человеку, которому безоговорочно доверял, – телохранителю Хуа.

И вот вчера на империю, которую Дэн Хуа строил более десяти лет, обрушилась буря. Конкурент атаковал со всех сторон, не гнушаясь и незаконных методов. Цель была ясна: раздробить наследие Дэна Хуа и избавиться от обломков, расчистив место для нового правителя.

Увидев бритоголовых в «Городе грез», Хуа понял, что инцидент с наркотиками в отеле – не случайность. Следующий удар должен был прийтись на «Дворец», поэтому Хуа принял решение сделать его полем битвы. До открытия оставалось несколько часов, следовало подготавливаться. По дороге Хуа позвонил менеджеру ночного клуба Янь Ли и велел организовать собрание персонала.

Янь Ли и Ма Лян, бывшие коллеги Хуа, поручения выполняли быстро и точно. К тому времени, когда он прибыл во «Дворец», все официанты и охранники ждали в главном зале. Хотя людей было много, обошлось без толкотни. Янь Ли стоял перед входом; недавно ему исполнилось тридцать пять, и опытом он обладал большим, чем Ма Лян.

– Поприветствуйте господина Хуа! – крикнул Янь Ли, когда дверь открылась.

Добрых три сотни человек грянули разом:

– Здравствуйтесь, господин Хуа!

Тот никак не отреагировал, только махнул управляющему рукой. Янь Ли последовал за ним в офис позади зала.

Хуа велел закрыть дверь и спросил:

– Здесь за последние пару дней ничего не случилось?

– Нет, – ответил Янь Ли. – Братец Хуа, в чем дело?

– Нам вставляют палки в колеса.

– Кто?

– Гао Дэсэн из Южного Чэнду.

– Пусть приходит. – Янь Ли пожал плечами. – Чего нам бояться?

– Ты его недооцениваешь. – Хуа понизил голос. – Он намерен поглотить «Луньюй».

По мрачному тону Янь Ли понял: предстоит не мелкая стычка, а бой насмерть.

– Тогда я пойду готовиться, – произнес он после долгой паузы. – Не обольщайся, глядя на толпу в зале: там лишь тридцать-сорок человек на что-то годятся. Если нас прижимают, надо привлечь больше людей.

Хуа покачал головой.

– Нет. В драку не лезть ни при каких обстоятельствах. – Янь Ли непонимающе заморгал. – Сейчас мы на своей территории, действовать будем осторожно. Скажи своим людям, чтобы смотрели в оба и приглядывали за новыми посетителями. Но трогать их нельзя, что бы ни выкинули.

Янь Ли свел брови.

– И чем это нам поможет? Если они сюда явятся, рано или поздно нанесут удар.

Хуа похлопал его по спине.

– Не волнуйся. Твоя задача на сегодня – только припугнуть.

Янь Ли нехотя согласился.

– Даже если начнется потасовка, ты должен выторговать одну минуту. И за эту минуту выгони всех остальных клиентов. Сможешь?

– Думаю, выгонять будет некого. Как только запахнет жареным, посетители сами разбегутся.

– Хорошо бы, – улыбнулся Хуа. – Хотя надо готовиться к тому, что уйдут не все. Некоторые посетители захотят остаться и снимут на видео выходки конкурентов. А когда кто-то случайно наступит одному из них на ногу, они смогут постоять за себя. В таком случае я разрешаю действовать на свое усмотрение.

Янь Ли расплылся в улыбке, поняв, о каких посетителях говорит Хуа.

– Когда станет ясно, что драка скоро закончится, ты должен позвонить в полицию. «Папарацци» исчезнут до приезда копов. А вот зачинщиков выпускать нельзя. Ясно?

– Ясно. – Янь Ли кивнул. – А эти «папарацци», которых вы нашли, точно справятся?

– Не беспокойся. – Хуа взглянул на часы. – Они скоро будут здесь. Иди выключи камеры слежения. Ни к чему оставлять улики для полиции.

Янь Ли кивнул и вышел из офиса, чтобы разобраться с камерами и передать инструкции персоналу. Навстречу ему по коридору шагал длинноволосый мужчина. На вид он был ровесником Яня Ли, ростом примерно метр восемьдесят, не особенно мускулистый, но статный, с глазами чуть навывкате. Двигался он быстро, словно дикий зверь, а во вьющихся волосах виднелись кое-где пряди соломенного цвета. Словом, внешность его нельзя было назвать заурядной.

– Леопардовая Голова! – воскликнул Янь Ли. Он подбежал и крепко обнял друга. – Давно не виделись... Гляжу, от твоего загара не осталось и следа. В новой жизни больше не приходится торчать на солнце, а?

Леопардовая Голова хлопнул Яня Ли по спине.

– Где братец Хуа?

– Он внутри, я провожу.

Теперь Янь Ли понял, почему Хуа так уверен в успехе. С Леопардовой Головой никакие выходки конкурентов им не страшны. В преступном мире города все знали, что в бою ему нет равных. Даже его прическа сразу давала это понять. Наемные головорезы обычно брили головы – во время драки нет ничего хуже, чем быть схваченным за волосы; тогда и обладатель шести рук окажется в ловушке. Однако Леопардовой Голове было наплевать. До его длинных роскошных волос за десять лет еще никто не дотянулся.

Вот почему именно к Леопардовой Голове обращался Дэн, если требовалось решить проблему силой. Янь Ли когда-то работал вместе с ним, но их пути разошлись, и теперь друзья не виделись годами.

Впрочем, предаваться воспоминаниям времени не было. Янь Ли поспешно отвел Леопардовую Голову в офис. Тот молча выслушал краткие указания от Хуа.

– Без проблем, – подытожил он. – Всех, кто полезет в драку, будем держать в зале.

Хуа кивнул.

– Сколько у тебя человек?

– Двадцать восемь. Выглядят не слишком прилично, поэтому я велел им ждать снаружи.

– Выйди на улицу с Леопардовой Головой, – обратился Хуа к Яню Ли. – Если нужно, дай им что-нибудь из одежды. И найди парики для тех, у кого головы бритые. Ни к чему привлекать внимание.

Янь Ли кивнул и последовал за Леопардовой Головой, про себя восхищаясь скрупулезностью Хуа.

Ночной клуб начинал работать в шесть часов вечера. За двадцать минут до открытия в дверь офиса постучал молодой сотрудник.

– Управляющий Янь, можно вас отвлечь на минутку? – осторожно спросил он.

– Давай, – раздраженно ответил Янь Ли. – Говори скорее.

– На смену не вышла ни одна девушка. Ни одна.

– Как это? Где Юэ Лин?

– Ее тоже нет.

Юэ Лин отвечала во «Дворце» за танцовщиц. Хотя она находилась в самом низу пищевой цепочки, работу выполняла важную и не могла просто так не явиться в клуб.

– Ты им звонил? – спросил Янь Ли.

– Да. Никто не взял трубку.

– Не звони со своего номера, одолжи у кого-нибудь телефон.

Юноша выглядел сбитым с толку, и Хуа пришлось вмешаться, чтобы объяснить:

– В большом клубе всегда найдется хотя бы один официант, который встречается с кем-то из танцовщиц.

Сотрудник поспешно вышел, вернулся через пять минут.

– Нашел! – торжествующе объявил он.

– Что выяснил? – нетерпеливо спросил Янь Ли.

– Юэ Лин переманили в другое заведение, и она забрала с собой всех девушек.

– В какое еще заведение? – закричал Янь Ли.

– Новый клуб, на юге города. «Лунный дворец».

Янь Ли и брат Хуа переглянулись. Да, с этой стороны они удара не ждали. Гао выбил «Дворец» из колеи без шума и крови, ведь ночной клуб без танцовщиц – как ресторан без хорошего вина.

– Он пытается нас похоронить заживо. Гао перешел черту! – сквозь стиснутые зубы процедил Янь Ли. – Братец Хуа, нам нельзя промолчать. Давай отправим кого-нибудь к нему. В конце концов, он сам начал!

– Боюсь, там нас будут встречать во всеоружии, – произнес Хуа задумчиво.

– Ну и что? У нас есть Леопардовая Голова, бояться нечего! Я соберу своих ребят. Не будем сегодня открывать клуб, давай сначала разберемся с этими ублюдками.

Хуа повернулся к Леопардовой Голове.

– Что думаешь?

Тот в ответ лишь пожал плечами.

– Говори прямо, – настаивал Хуа. – Хочу знать твое мнение.

Леопардовая Голова медленно произнес:

– Братец Хуа, ты позвал меня сюда, чтобы поддерживать порядок. О нападении на кого-то речи не было. И я до сих пор не понимаю, что у вас происходит.

– Да нам просто нассали на головы! – отрезал Янь Ли. – Что тут непонятного?

Хуа жестом остановил его.

– Слушай, как давно мы знаем друг друга?

– Одиннадцать лет, – ответил Леопардовая Голова, не задумываясь.

– Тогда к чему эти игры? Тебе ведь что-то известно?

Поняв, что его раскусили, Леопардовая Голова сдался.

– Я знаю «Лунный дворец». Им управляет Лун.

– То есть наш Лун? – Янь Ли оцепенел.

Хуа, впрочем, не удивился.

– Похоже, он спелся с Гао Дэсэном и помогает ему нас уничтожить.

– Быть не может! – закричал Янь Ли.

– Лун вчера со мной разговаривал, – продолжил Леопардовая Голова. – Сказал, что Гао Дэсэн хочет с нами объединиться. Мол, от слияния выигрывают все. Не обязательно биться насмерть.

– Черта лысого ему, а не слияние! Я не собираюсь прислуживать Гао! – взревел Янь Ли, не веря своим ушам. – Ты что, идиот? Разве ты не видишь, что происходит?

Хуа догадался, что дело не в умственных способностях. Он взглянул на Леопардовую Голову, а затем расхохотался.

– Сколько Лун тебе предложил?

Леопардовая Голова стиснул зубы и признался:

– Ладно, скрывать нет смысла. Он обещал отдать мне этот новый клуб.

У Яня Ли глаза вылезли из орбит.

– Предатель! Ты просто дерьма кусок... Неужели тебя так легко подкупить?

– Да, именно так. – Леопардовая Голова посмотрел Яню Ли прямо в глаза. – Ты здесь управляющий уже пять лет, верно? А я что? Кручусь как белка в колесе. У меня в прошлом году ребенок родился. Для тебя цена, может, и невысока, а вот я не смог отказаться.

Хуа не хотел вмешиваться в спор, но все-таки не сдержался.

– Тогда зачем ты сюда пришел?

Леопардовая Голова продолжал смотреть на Яня Ли, не осмеливаясь встретиться со спокойным взглядом Хуа.

– Я человек слова. Я никогда не подведу тебя или других моих братьев. Честно говоря, я понятия не имел, что Лун планирует переманить ваших девушек...

– Ладно, не нужно объяснять, – прервал его Хуа. – Итак, ты хотел мне помочь. Рассчитывал играть за обе стороны? Всем угодить?

Леопардовая Голова молчал. После долгой паузы Хуа вздохнул.

– Мне следовало платить тебе лучше. Вот к чему привела моя небрежность... Даже предложи я тебе новую должность, ничего не изменится. Может, тогда сделаем так? Ли, иди к сейфу и принеси двести тысяч юаней наличными.

Янь Ли был слишком потрясен, чтобы сдвинуться с места, а Леопардовая Голова отмахнулся от предложения.

– Братец Хуа, дело не в деньгах.

– Думаешь, я пытаюсь купить твою преданность? Вовсе нет. – Хуа покачал головой. – Когда человек передумал, деньгами его не вернуть. Даже если б ты захотел остаться, называли бы мы друг друга братьями, как раньше?

Леопардовая Голова почувствовал укол совести.

– Братец Хуа...

– Усидеть на двух стульях не получится. Надо выбрать сторону, иначе тебя раздавят. В благодарность за нашу одиннадцатилетнюю дружбу и в качестве подарка ко рождению ребенка я дарю тебе двести тысяч. Не отказывайся. Забирай деньги и уходи. Ты только начинаешь бизнес, так что давайте будем считать танцовщиц подарком от Яня. Мы теперь ничего друг другу не должны. Береги себя.

Леопардовая Голова понял: с помощью денег Хуа сжигал мосты, и отныне они в разных лагерях, заклятые враги. Он стоял неподвижно, не в силах выдать ни слова.

– Ладно, на сегодня с меня хватит. Янь Ли, дальше ты сам. – Хуа шагнул к двери. – Я не спал больше тридцати часов. Мне нужен отдых.

Он вышел из клуба под черное, как смоль, небо. Вспомнив, что его машина все еще стоит у здания «Лунъюй», вызвал такси и поехал за ней.

Несмотря на усталость, его мозг продолжал лихорадочно работать. В других обстоятельствах он направился бы в отель «Триумфальная арка», чтобы насладиться своим роскошным номером. Теперь, когда отель закрыт, требовалось найти другое место.

Хуа перебрал варианты, и в конце концов собственная квартира показалась ему лучшим из них.

* * *

Через жилой комплекс Шуйсян на северной окраине города протекал ручей, поэтому риелторы рекламировали его как «место для роскошной жизни на побережье». Пять лет назад Хуа купил там квартиру, хотя приезжал туда редко. Раньше он исполнял роль тени Дэна Хуа; жил где и как придется, всегда следовал за боссом, и квартира стала не более чем местом для хранения вещей. Однако времена изменились.

Хуа приехал почти в полночь. И тут вспомнил, что ключи отдал утром Мин-Мин. Пришлось, словно непрошеному гостю, звонить в дверь. К счастью, Мин-Мин быстро открыла.

Сперва Хуа даже подумал, не перепутал ли он адрес. Ничто не напоминало его квартиру. Вместо холостяцкой берлоги с толстым слоем пыли на полу он увидел чистые и опрятные комнаты. Волшебству могло быть только одно объяснение. Хуа перевел испуганный взгляд на девушку.

– Что? Застала тебя врасплох? – Она хихикнула, довольная собой.

Братец Хуа улыбнулся и, закрыв за собой дверь, спросил:

– Ты решила меня так отблагодарить?

– Нет, – сказала Мин-Мин, ткнув его пальцем в нос. – Просто в твоей квартире царил такой беспорядок, что ни одна девушка на свете не вытерпела бы.

– А чья это на тебе одежда?

Рубашка доставала ей до колен и больше походила на платье.

– Нашла в твоей гардеробной. – Девушка махнула рукой. – Мне было не во что переодеться после душа. Ты не волнуйся, я все постираю.

Белая рубашка предательски просвечивала, и Хуа видел под тканью всю хрупкую фигурку Мин-Мин. Кроме рубашки, на ней были лишь трусики.

Хуа почувствовал, как в животе зашевелилось желание. Он прижал Мин-Мин к груди, и она вскрикнула от удивления. Хуа погладил ее по щеке.

– У тебя такие большие глаза...

– Я красивая? – кокетливо спросила она.

Чувствуя, как в груди разгорается огонь, Хуа лишь вновь посмотрел в ее угольно-черные глаза.

Глава 3

Тюремный переполох

Тюрьма города Чэнду

Насладившись последним больничным обедом, Хан вернулся в камеру 424 после суточной передышки.

– О, снова пора спать, – увидев Хана, сказал Ду. Он потянулся, затем влез обратно на верхнюю койку.

– Ленивая свинья, – проворчал Черныш.

Пин в сторону Ду Минцяна даже не смотрел.

– Ну, хорошо провел время? – бросил он Хану. – Наверное, спал в мягкой постельке и лакомясь от души... Про нас и думать забыл, а?

От насмешек Хан снова пришел в ярость, но тут же вспомнил, что Ду сказал ему накануне: «Держи себя в руках, иначе ты же и пострадаешь». Он прикусил губу и молча глядел на Пина. Без очков Хан мог видеть только прищурившись.

Шунь злобно рассмеялся:

– Эй, смотрите, наш очкарик без очков остался!

– Ну, парень упрямый, зато, по крайней мере, умеет держать язык за зубами, – заметил Шань.

Пин кивнул, ткнув пальцем в Хана.

– Хороший мальчик. Если б нас из-за тебя наказали, мы устроили бы тебе наказание в десять раз хуже!

В шесть часов утра по всему блоку зажглись лампы и прогудел сигнал. Наступил рабочий день, и около четырехсот заключенных собрались в главном зале для переключки. Через полчаса охранники отвели их в столовую на завтрак, а затем в двухэтажное здание недалеко от главного корпуса – там пять дней в неделю заключенные трудились на благо общества.

Работников распределили по шести цехам. В каждом дежурил охранник, и один заключенный служил у него помощником – эта роль обычно отводилась тем, кто успел наладить связи с надзирателями. Из работников формировались бригады.

За цех, в котором оказался Хан, отвечал охранник по фамилии Хуан, тощий мужчина лет пятидесяти. Он редко разговаривал и не особенно придирался к заключенным, однако мог вспылить из-за пустяка. Себе в помощники он взял бывшего банкира лет сорока, который за свое круглое лицо получил прозвище Калач.

Бригадиры имели больше власти, чем другие заключенные, и старший брат Пин, разумеется, мог похвастать этим званием.

– Ду Минцяна, ты будешь отвечать за новичка, – сказал он, скрестив руки на груди. – Норма для вас двоих будет двести штук. Шунь, с тебя сотня, Шань сделает восемьдесят. Мы с Чернышом разделим остальное.

– Давай начинать. – Ду дернул Хана за рукав. – Если не выработать норму, не получим ужина.

Хан растерянно посмотрел на него.

– Трудно будет сделать двести штук?

– Каждая бригада должна производить четыреста пятьдесят штук в день. От нас требуется почти половина, и ты никогда такой работой не занимался. Вот сам и прикинь.

Подсчитать не составило труда: Чернышу и Пину надо было сделать всего семьдесят на двоих. Где же тут справедливость? Хан прошептал Ду:

– Разве охранники не знают, что они так издеваются над сокамерниками?

– Даже если б и знали, ничего не изменилось бы.

Хан поднял брови. Ду объяснил:

– Люди вроде Пина имеют у сокамерников большой авторитет, поэтому охранники используют их, чтобы держать заключенных в узде. Взамен предоставляются дополнительные привилегии. Тут прав тот, кто сильнее, ясно? – Хан смиренно кивнул. – Поменьше думай о справедливости и приступай к работе.

Ду разложил на столе инструменты: толстая стопка картона, моток бечевки, карандаш, точилка, деревянная линейка, ножницы и пузырек клея.

Тюремные цеха не имели определенной специализации и выполняли те заказы, какие удавалось получить начальству. В последнее время в четвертой тюрьме изготавливали бумажные пакеты для торговых центров.

Ду собрал первый, объясняя технологию Хану. Сначала карандашом начертил на картоне шаблон, вырезал, потом склеил. Затем использовал специальный станок, чтобы пробить отверстия, усиленные металлическими заклепками. Наконец продел в отверстия веревку – получились ручки. Весь процесс занимал пять-шесть минут; у новичков уходило около восьми.

– Попробуй. – Ду взглянул на часы на стене, готовясь замерить время.

Сначала Хан наточил карандаш, затем приложил к картону деревянную линейку. Его движения были точными и быстрыми, и чертеж не потребовал ни одного исправления.

– Откуда такие навыки? – удивленно спросил Ду.

– Я был архитектором. По сравнению с чертежами, которыми я занимался на работе, это ерунда, – пояснил Хан, не отвлекаясь от дела. Сунув карандаш в рот, он схватил ножницы и начал резать.

Ду ухмыльнулся. Самым сложным этапом считалась разметка шаблона. Если Хан сумеет выполнять ее быстро, они вполне уложатся в дневную норму.

Первый пакет Хан изготовил за пять с половиной минут – немалое достижение для новичка.

– Отлично, – одобрил Ду. – Я боялся, что ты будешь тормозить работу, но, похоже, справишься даже быстрее меня.

Хан улыбнулся – впервые с тех пор, как попал в тюрьму.

– Ладно, хватит болтать, давай займемся делом. – Ду вернулся на свое место. – Кстати, следи за инструментами. Если что-нибудь потеряешь, проблем не оберешься.

– Хорошо, я буду осторожен.

– Особенно с карандашами. Нужно возвращать даже крошечные огрызки.

– Правда? Чем карандаши-то не угодили?

– Вопрос безопасности, – Ду пожал плечами. – Половина заключенных – убийцы, они и кусок карандаша могут превратить в оружие.

Хан согласился, вспомнив, что даже у зубной щетки, которую ему здесь выдали, была короткая закругленная ручка.

Ду отвернулся, и они с головой ушли в работу, больше не тратя времени на беседы.

В одиннадцать часов охранник Хуан встал со стула и дунул в свисток. В цехе раздались аплодисменты, и заключенные позволили себе потянуться и размять мышцы. Пришло время обеда.

– Что за шум? Закройте рты, соберите инструменты и выстраивайтесь в очередь! – завопил Калач, проталкиваясь к двери, где стояли четыре большие коробки для линеек, ножниц, карандашей и резачков.

Хуан, Калач и бригадиры, то и дело покрикивая на заключенных, установили своего рода порядок. Очередь медленно двигалась вперед. Хан тоже бросил свои инструменты в коробки, как вдруг Калач рявкнул:

– Что с твоим карандашом?

Ду, стоявший позади Хана, закатил глаза. Он ведь предупреждал насчет карандашей. Неужели Хан успел что-то натворить?

– У меня такая привычка: я держу карандаш во рту, когда им не пользуюсь... – оправдывался Хан.

Ду вытянул шею, чтобы посмотреть. Калач брезгливо держал двумя пальцами карандаш, покрытый следами зубов.

– Он же почти новый, а ты его разгрыз... Отвратительно!

Калач ткнул карандашом в лицо Хана. Тот покраснел, не в силах выдавить из себя ни слова.

– Ну, теперь его никто не возьмет. Калач, отложи карандаш в сторону, пускай Хан сам же им и пользуется, – протянул Ду.

Охранник Хуан скрестил руки на груди и велел Калачу:

– Делай, как он говорит.

Хан повернулся и кивнул Ду в знак благодарности. Хотя в первый же рабочий день он попал в беду, опасность, похоже, миновала. Как только все сдали инструменты, охранники отпустили работников в столовую на обед.

После еды заключенные устроились на скамейках, чтобы отдохнуть. Ду разыскал Хана и продолжил объяснять местные порядки. Как и у большинства людей, рабочая неделя была пятидневная. В выходные в тюрьме оставались лишь несколько надзирателей, столовая тоже не работала. Поэтому все целыми днями сидели в камерах и обедали там же.

Без десяти час охранник снова дал свисток, и заключенные построились, чтобы вернуться в мастерскую.

Меньше всего пакетов осталось сделать Чернышу. Когда Пин хотел отдохнуть, Черныш работал и за него, но они все равно закончили раньше всех. Впрочем, чтобы бригада могла покинуть цех, следовало выполнить всю дневную норму, поэтому Черныш и Пин сидели, коротая время за болтовней. Шань, закончив свои восемьдесят пакетов, тоже к ним присоединился. Все они работали примерно с одинаковой скоростью и закончили чуть позже пяти.

– Эй, помоги-ка их отнести на проверку, – наконец сказал Шуню Черныш.

Шунь наклонился, собрал готовые пакеты, и они вдвоем вышли из мастерской. Осмотром пакетов, естественно, занимался Калач. Шунь положил толстую стопку на стол, и Калач начал их перебирать. Проверка была нехитрая: сначала Калач оглядывал швы и ручки-веревки, затем укладывал пакеты в форму, убеждаясь, что они соответствуют стандартным размерам. Пин наблюдал, лениво облокотившись на стул.

– Кажется, у нас проблема, – вдруг объявил он громко, чтобы все вокруг услышали.

Ду и Хан повернулись в сторону Калача. Тот что-то бормотал, вынимая из стопки несколько пакетов. Говорил он тихо, однако выражение его круглого лица не сулило ничего хорошего.

Черныш тоже что-то сказал – видимо, выругался. Затем он быстро зашагал обратно к Пину, а Шунь семенил за ним с двумя-тремя десятками непринятых пакетов в руках.

Черныш посмотрел на Хана и Ду.

– Вы схалтурили. Придется переделать.

Широко улыбаясь, Шунь швырнул пакеты на стол Хана.

– Почему вы уверены, что это наши? – Хан уставился на пакеты. Он работал тщательно и ошибок не допускал.

– Хочешь пожаловаться? Ты же здесь новенький, вот и ошибся. – Черныш посмотрел на него, затем повернулся к Ду. – А ты должен был его контролировать. Оба хороши! Теперь вместе и переделывайте.

– Я хочу пожаловаться! – Хан вскочил на ноги.

– Ха, все-таки у тебя есть хребет! – Черныш рассмеялся. – Расхрабрился? Думаешь, надзиратели на твоей стороне? Хорошо, посмотрим, что они скажут... Шунь, зови охрану!

Шунь побежал в противоположный конец мастерской.

– Господин Хуан! Новый парень отказывается работать.

Охранник уже заметил их небольшую стычку и, услышав крик Шуня, зашагал к ним, на ходу вынимая из кобуры дубинку.

– Что случилось?

– У новичка пакеты не прошли проверку, – сообщил Черныш. – Я велел переделать, а он недоволен.

– Значит, новенький? – Охранник Хуан оглядел Хана с ног до головы, затем объяснил: – Изготовление пакетов – часть ваших тюремных обязанностей. Если пакеты бракуют, значит, делаете работу заново. Таковы правила.

– Но с чего вы взяли, что пакеты мои? Почему переделывать должен именно я?

Охранник Хуан повернулся к Калачу.

– Раньше эта бригада уже сдавала изделия плохого качества?

– Не припомню такого за последний месяц, – ответил Калач, напрягая память. – Может, один-два пакета, не больше.

Охранник Хуан сурово посмотрел на Хана.

– Есть еще возражения? – ледяным тоном спросил он.

Хан молча опустил глаза. Охранник презрительно фыркнул.

– Хочу добавить, что мы четверо здесь ни при чем, – встрял Пин. – За новичка отвечал Ду Минцян.

– Хорошо, – заключил охранник. – Пусть задержатся в цехе.

– Вот и отлично, – поддакнул Черныш. Он подождал, пока охранник Хуан и Калач отойдут, и злобно ухмыльнулся.

Хан все еще выглядел обиженным. Ду оттащил его в сторону.

– Давай, принимайся за работу. Больше часа уйдет.

Хан печально вздохнул, взял инструменты и снова начал работать. Остальные заключенные тем временем покидали цех. Через десять минут мастерская опустела, если не считать Хана и Ду.

– Эх, останемся сегодня голодными... – Ду вздохнул.

– Как это? Нам не разрешат поужинать?

Ду пожал плечами.

– Ради нас столовую держать открытой не станут. А до закрытия мы не закончим.

– Разве мы не можем поесть сейчас, а потом продолжить работу?

– Охранник ждет, пока мы закончим, чтобы пойти домой. Будешь просить его еще подождать?

Ду кивнул на входную дверь, у которой, сгорбившись на стуле, сидел охранник.

– Ясно, – пробормотал Хан. – А если мы никогда не закончим? Охранник будет ждать целую вечность?

– Думаешь, он настолько глуп? Он дождетя конца своей смены в шесть часов. Если не закончим к тому времени, остальные пакеты добавятся к нашей завтрашней норме. И тогда нам снова придется пропустить ужин.

Хан стал работать еще усерднее.

– И все-таки я не согласен, – сказал он. – Бракованные пакеты делал не я.

Ду посмотрел на него – Хан опять неистово грыз карандаш.

– Я знаю. – Ду снова вздохнул. – Просто сокамерники не прочь над нами поизмываться.

– Погоди, они специально? – удивился Хан. – Мы пропустили ужин из-за глупой выходки?

– Да, и это только начало. Боюсь, дальше будет хуже.

– Что ты имеешь в виду? – Хан чувствовал, как к горлу подступает холодный ком.

– А вот что. Тебя вчера пытали, а я помешал. Вряд ли они сдадутся, наверняка попробуют еще что-нибудь устроить сегодня вечером. А когда на шум прибежит охрана, они скажут, мол, виноват новичок, ему не нравится работать, и приклеят на тебя ярлык «строптивного заключенного».

Вот оно как... Чем больше Хан размышлял, тем больше злился. Ду похлопал его по плечу.

– Не волнуйся. Вероятно, на этот раз мишенью стану я.

– Почему?

– А зачем они сегодня меня к тебе приставили? Явно ко мне подбираются. Если будешь вести себя тихо, тебя, наверное, оставят в покое.

Гордость Хана была задета.

– Ты просишь меня стоять в сторонке и смотреть?.. Они зашли слишком далеко. Я буду сопротивляться. Жить я все равно не хочу!

Ду улыбнулся, восхищенный преданностью Хана.

– Почему ты не хочешь жить? – Он покачал головой. – У тебя впереди немало хороших дней. В любом случае отложи смерть на потом, чтобы не доставлять этим гадам удовольствие.

– А что еще мы можем сделать? Они ведь не дадут нам покоя.

Улыбка не сходила с лица Ду.

– Что бы ни случилось сегодня, с койки не вставай и не говори ни слова. Просто делай как я скажу.

В его голосе звучала непреклонная уверенность. Других вопросов Хан не задавал, по горящим глазам Ду поняв, что лучше не расспрашивать.

* * *

Ду и Хан вернулись в камеру около семи вечера, уставшие и голодные. Пин и остальные ждали их, весьма довольные собой.

Как только охранник ушел, Черныш воскликнул:

– Смотрите, а вот и образцовые заключенные! Аплодисменты!

Он громко захлопал в ладоши, и к нему с энтузиазмом присоединился Шунь. На Хана вновь накатила ярость, однако он вспомнил предупреждение Ду и с безразличным видом лег на свою койку.

Ду потянулся и пошел в туалет справить нужду. Черныш тем временем не сдавался.

– Чего такой кислый? Расстроился, что не поужинал?

Он склонился над койкой Хана. Тот не ответил и даже не удостоил его взглядом. Черныш пнул Хана по ноге.

– Отвечай! Или ты не только слепой, но еще и глухой?

Ду крикнул из туалета:

– Расстроены не мы, а наши желудки.

Черныш обернулся.

– Советую привыкать. Если завтра опять будете халтурить, вы не просто пропустите ужин. Я еще скажу охранникам, что вы нарочно саботируете работу.

Повисла тишина, затем из туалета донесся залихватистый смех.

– Странно, вроде скотину не держим, а ослиной мочой воняет...

Все на мгновение замерли. Ду обычно держался особняком, никогда не перечил сокамерникам, и резкой перемены никто не ожидал. Черныш рассвирепел так, что в его глазах заплясали злобные огоньки.

– Тебе жить надоело? – заорал он и бросился за загородку.

Хан со своей койки мог заглянуть в туалет. Он видел, как Черныш подбежал к Ду, еще застегивающему брюки, и замахнулся. Хан не смог сдержаться и крикнул:

– Берегись!

Ду не обернулся. Одним быстрым движением он схватил Черныша за запястье. Еще мгновение – и оказался позади Черныша, выкрутив ему руку.

Черныш сыпал проклятиями, а Ду, похоже, никуда не торопился и даже свободной рукой застегнул молнию на брюках. Черныш побагровел, пытаясь высвободиться, но его запястье словно тисками держали. Он не мог сдвинуться с места.

– Пусти! Отпусти, чтоб тебя! – только и кричал Черныш.

Услышав эти вопли, Пин спохватился и сделал знак Шаню и Шуню. Однако не успели они сделать и двух шагов до туалета, как крики Черныша резко прекратились. В тишине раздался ледяной голос Ду:

– Проваливай!

Черныш вылетел из туалета и рухнул на пол. Остальные оторопело уставились на него. Побледнев, Черныш медленно поднялся на ноги. За ним спокойно вышел Ду.

Шань и Шунь, недолго думая, бросились к нему. Затем произошло непредвиденное.

– Стойте! Не надо! – взмолился Черныш, встав между ними и Ду Минцяном.

Остолбенев, они переводили взгляд с Черныша на Ду, который как ни в чем не бывало укладывался в койку, даже ни разу не обернувшись.

– Черт, – усмехнулся Шунь, – ты что, его боишься?

– Сейчас я тебе покажу, кто тут кого боится...

Разъяренный Черныш со всей силы ударил Шуня в грудь. Тот едва удержался на ногах.

– За что?! Я не виноват, что тебе досталось! – обиженно закричал Шунь. Впрочем, о местной иерархии он не забывал ни на секунду, поэтому ударить Черныша в ответ не решился.

Внезапно ожил динамик.

– Камера четыреста двадцать четыре, что у вас опять стряслось? Прекратите драку!

Пин, раньше бесстрастно наблюдавший за развитием событий, теперь прошептал:

– Что вы устроили? Еще даже свет не выключили.

Все немедленно угомонились.

– Мы просто дурачились, – произнес Шунь в микрофон.

– Силы девать некуда, а? Еще хоть один звук, и завтра я удвою вам норму! – рявкнул охранник и выключил динамик.

Шунь и Черныш разошлись по нарам. Шунь потирал ушибленное место и провожал сокамерника злым взглядом. Пин тоже неодобрительно посмотрел на Черныша. Тот попытался сгладить углы:

– Да я просто отвлекся, а он меня подловил...

Пин поджал губы.

– Потом поговорим, – бросил он.

Во всем тюремном блоке Черныш подчинялся только братцу Пину. Вспыльчивый и злопамятный, он преследовал любого, кто обронит хоть одно неосторожное слово, и сам придумал план мести Ду Минцяну. Почему же он так легко сдался? Весь его запал словно иссяк в одно мгновение.

Не только Пин с товарищами задавались таким вопросом. Хан тоже был озадачен. Со своего места он видел всю недолгую стычку, поэтому знал, что Ду выкрутил Чернышу руку, и тот вырывался и кричал, пока Ду не прошептал ему на ухо пару слов.

Слова подействовали волшебным образом. Лицо у Черныша перекошилось, будто его ударили электрической дубинкой, а проклятия застыли на губах. Он словно обмяк, и Ду лишь слегка подтолкнул его ногой, чтобы выдворить из туалета.

– Проваливай, – напутствовал его Ду, будто нашкодившего мальчишку. А Черныш и не пикнул.

Хану очень хотелось бы знать, что за чудесные слова произнес Ду Минцянь, однако он решил следовать совету: «С койки не вставай и не говори ни слова». Он лежал в тишине, размышляя о том, чего ждать дальше.

Время тянулось медленно. Когда прозвучал сигнал к отбою, Пин и остальные, как обычно, пошли умываться, но ботинки перед сном никто не снял. Стало ясно: с наступлением темноты Ду Минцяня ждет новое испытание.

Шунь ходил в туалет последним. Как только он вернулся, погас свет. Шунь подошел к койке Хана и сказал:

– Эй, модельер, для тебя есть работа. Иди почисти унитаз.

Хан не двинулся с места.

– Ты глухой, мать твою? – крикнул Шунь. – Так я сейчас тебе уши дерьмом намажу!

– А почему он должен чистить унитаз? – Ду свесился с верхней койки так, что его лицо оказалось на одном уровне с Шунем.

– Мне все равно кто. Можешь сам заняться. – Шунь выдавал явно отрепетированные реплики, предназначенные для того, чтобы втянуть Ду в драку.

– Почему обязательно мы? Неужто сами не в состоянии?

У Шуня не было готового ответа. Он сконфуженно покраснел, а затем отрезал:

– Потому что вы ближе всего к туалету.

– Не ты ли недавно жаловался на запах? Вымыть унитаз в твоих интересах, – мягко добавил Пин.

– А, понятно, – сказал Ду.

Он вдруг спрыгнул с верхней койки и оказался позади Шуня. Тот, ожидая нападения, быстро отошел в сторону и принял боевую стойку. Ду лишь усмехнулся.

– Я очень ленивый, поэтому унитазы мыть не буду. Однако у меня есть простое решение проблемы.

Шунь понял, к чему клонит Ду, и решил не тянуть.

– Слушай, урод, хватит разглагольствовать! Я сказал вымыть унитаз – значит, надо вымыть.

Эта фраза служила сигналом: Шань встал и подошел к Шуню. Планировалось, что Черныш поступит так же, но он мялся, пока Пин не бросил на него многозначительный взгляд. Тогда он тоже, пусть и неохотно, встал позади Шаня.

Ду невозмутимо наблюдал, как Шань и Черныш готовятся к бою.

– Остыньте, ребята. Я лишь хотел поменяться с Шунем местами.

На самом деле койки в камере распределялись не случайным образом. Чем лучше место, тем выше тот, кто его занимает, – строгая иерархия. Так что предложение Ду было беззастенчивой попыткой захватить власть.

– Какого черта я должен с тобой меняться? – взревел Шунь.

В эту секунду Шань нанес удар, метаясь прямо в лицо Ду. Раздался вопль, однако кричал вовсе не Ду Минцянь. Оказалось, Ду успел молниеносно нырнуть за Шуня и обхватить его правой рукой за шею, сделав живым щитом.

– Черт! – Шунь чуть не плакал. – Ты же в меня попал!

Шань молча стал атаковать Ду с удвоенной силой. Тот не сопротивлялся, а лишь подставлял под каждый удар Шуня, который отчаянно сыпал ругательствами, однако вырваться не мог.

– Хватит, довольно! – наконец не выдержал Пин. Он встал с койки, его голос звучал властно и зло.

– Братец Пин, он сильнее, чем кажется, – прошептал Черныш. – Нам его сегодня не одолеть.

Пока Шань сражался с Ду, Черныш стоял рядом, и не думая помогать товарищу. Заметив это, Пин наотмашь ударил Черныша по уху и закричал:

– Хватит уже свою задницу беречь!

Лицо Черныша налилось кровью, но ответить он не осмелился и просто отошел в угол камеры. Пин шагнул вперед с недоброй ухмылкой.

– Я всегда чувствовал, что ты не простачок. Надо же, еще и драться умеешь...

Ду улыбнулся в ответ.

– Ты мне льстишь. Я лишь дурачусь с братцами.

Шунь, завидев приближение Пина, в надежде получить помощь завопил:

– Отпусти меня, ублюдок! Братец Пин этого так не оставит!

– Не волнуйся, причинить тебе боль он не посмеет, – сказал Пин, обращаясь к Шуню, хотя его глаза неотрывно следили за Минцяном. – И вообще он тут ненадолго. Такие люди не доставляют хлопот – слишком опасаются увеличения срока.

– Ты прав. Я не хочу неприятностей. – Ду ухмыльнулся.

– А вот я – другое дело. – Глаза Пина сузились. – Меня боится каждый заключенный. Знаешь почему?

Улыбка Ду стала мрачной.

– Да, знаю. Потому что тебе нечего терять.

Пин кивнул.

– У меня пожизненный срок. Увеличить его невозможно. А значит, я могу делать что захочу. Пока я никого не убиваю, мне грозит максимум дубинка или одиночная камера. Ерунда!

Ду вздохнул, соглашаясь. Пину из тюрьмы не выйти, поэтому смягчение приговора ему не нужно. Дубинка начальника Чжана представляла угрозу, но даже причиняемая ей боль – лишь на время. Пина боялись не просто так.

– Если ты все понимаешь, то почему идешь против меня?

Не получив ответа, Пин разразился ледяным смехом и подскочил к койке Хана, застав его врасплох. Как ястреб, выхватывающий птенчика из гнезда, он вытащил новичка из койки и выкрутил ему правую руку. Хан застонал от боли.

– Продолжай, Шань, – уверенно сказал Пин. – Если будет использовать Шуня в качестве щита, я сломаю парнишке руку.

Ду знал, что Пин способен осуществить угрозу, поэтому покачал головой и отпустил Шуня. Шань снова ринулся в бой. Ду сосредоточился на защите и не ответил ни на один удар.

Черныш безучастно смотрел на драку.

– Будешь просто глазеть? Помогии Шаню! – нетерпеливо крикнул Шунь.

Черныш хмыкнул, но не пошевелился. Тогда в бой ринулся сам Шунь. Ду его заметил и сделал подсечку. Противник врезался головой в дверь камеры.

Шунь был зол и унижен, понимая, что он далеко не такой хороший боец, как Ду. Он не стал даже подниматься с пола, а просто вцепился в ноги противника, надеясь его повалить.

В тюремной камере Ду негде было укрыться. Он занял хорошую позицию, однако теперь на ноге у него висел Шунь, из-за чего стало труднее уклоняться от пинков и ударов Шаня.

– Фан Вэйшань, ты забыл дело об убийстве на озере Тайпин? – неожиданно воскликнул Ду.

Эти слова, видимо, обладали таинственной силой, которая заставила Шаня застыть на месте. Откуда Ду Минцянь знает его полное имя? Впрочем, по-настоящему пробрало Шаня упоминание об озере.

– Что ты сказал?

– Ранним утром третьего мая девяносто шестого года вы с Паном Дабао пытались ограбить человека на озере Тайпин. Тот оказал сопротивление; ты вышел из себя и убил беднягу, а затем бросил его тело в озеро. – Ду наконец прижал Шуня к стене и смог заглянуть Шаню в глаза. – Я ведь прав?

Шань застыл. По выражению его лица стало ясно, что Ду попал в точку. Остальные, включая Хана, изумленно глазели на Шаня.

– Значит, ты тоже кого-то убил? – удивился Пин.

На лбу Шаня выступили вены.

– Я не могу сейчас об этом говорить, – пробормотал он.

Конечно, Шань не мог говорить. Его отправили сюда три года назад за серию грабежей, он получил двадцать лет заключения. О единственном совершенном им убийстве полиция не знала... И вот незнакомец швырнул ему факты в лицо.

– Пан меня продал? – через мгновение произнес он дрожащим голосом.

– А ты был бы тогда жив? – Ду снова посмотрел Шаню в глаза. – Пан Дабао умер. Правду знаю только я.

Ду не лукавил. Закончив обучение и став убийцей-мстителем, известным как Эвмениды, он узнал о множестве нераскрытых полицией дел. Одним из них было убийство на озере Тайпин. Ду выследил Пана Дабао и сумел выведать у него имя сообщника – Фан Вэйшань. Эвмениды привели в исполнение смертный приговор Пану Дабао, а Фан Вэйшань к тому времени уже находился в тюрьме, потому избежал наказания. До настоящего момента.

Шань, разумеется, ничего не знал.

– Что... что ты собираешься делать? – спросил он.

– С этой информацией я не планировал ничего делать, но... – Ду вежливо улыбнулся. – Если ко мне будут постоянно цепляться, однажды я могу и потерять терпение.

Шань понял намек. Он опустил голову и повернулся к Пину.

– Хочешь крысой стать, убудок? – закричал тот. – Мне тогда и делать ничего не придется, если вся тюрьма будет тебя ненавидеть!

Действительно, никого не ненавидели здесь больше, чем предателя, который выбалтывает охране чужие секреты.

– В деле Шаня мне известна каждая деталь, – хмыкнул Ду. – Если б я собирался наступать, стал бы ждать до сих пор?

– Хорошо, ты, по крайней мере, понятливый... – Пин указал на Шаня. – Иди сюда, больше тебя защищать не буду.

Шань подошел к Пину, тревожно озираясь. Все в камере слышали слова Ду, и теперь любой из них мог выдать тайну, которая могла положить конец его жизни.

Тем временем Ду вышел в центр камеры и объявил:

– Дракой проблем не решить. Давайте сядем и нормально поговорим.

Пин помрачнел. Теперь он понял, что Ду Минцянь не только превосходный боец, но и искусный стратег.

– О чем нам с тобой говорить?

– Как уже сказал, я хочу поменяться койками с Шунем. Тогда он сможет вымыть туалет и избавиться от ужасного запаха.

– Почему это я должен с тобой меняться? – Шунь вскочил на ноги, но подойти ближе не решился. – Я здесь тоже за убийство. Чего мне тебя бояться?

– Правда? И ты тоже? – Ду напустил равнодушный вид.

Шунь вскинул голову.

– Конечно! И убил не кого-нибудь, а Большую Трубу. Иди поспрашивай, он был настоящей шишкой в Восточном Чэнду.

– О, я о нем все знаю, – медленно сказал Ду, словно пытаюсь припомнить. – Два года назад Большая Труба, криминальный авторитет из восточной части города, был зарублен возле торгового центра «Синьань» японским мечом. Случай привлек внимание общественности особенно потому, что все случилось среди бела дня. Расследование показало, что другой воротила преступного мира хотел отомстить Большой Трубе и приказал своему бандиту, мелкой сошке, припугнуть конкурента. Только студент сил не рассчитал и перерезал Большой Трубе горло. Еще нелепее то, что горе-гангстер заставил одного из своих подчиненных, «младшего брата», собрать банду конкурента на месте убийства. В результате бандит и его начальник, отдавший приказ, приговорены к смертной казни, а младший брат получил пятнадцать лет за соучастие. Я слышал, тот юнец на суде плакал и раскаивался в содеянном. Мол, его на преступление подбил однокурсник. А когда умер Большая Труба, мальчишка и вовсе описался. Думаешь, такой историей стоит гордиться?

Во время речи Ду лицо Шуня постепенно мрачнело. Попав в тюрьму, он часто хвастал тем, что зарубил Большую Трубу, но подробностей никогда не рассказывал. Теперь, когда Ду раскрыл его тайну, о славе дерзкого убийцы можно было забыть.

– Я так и знал! Ты слишком труслив, чтобы прикончить Большую Трубу, – усмехнулся Пин. – Такой вун права на хорошую постель не имеет. Иди на койку у двери.

Шунь спорить не посмел. Ду с довольным видом добавил:

– Но своего друга я оставлять не хочу. А если он поменяется местами с Чернышом? Ты ведь не возражаешь, Черныш?

Во время разговора с Ду Черныш безучастно сидел в углу. Теперь он встал и выдал из себя улыбку.

– Кровать есть кровать, верно? Я на любой койке могу спать.

Пин посмотрел на Ду, затем на Черныша и вскричал:

– Только не говори мне, что у него и на тебя что-то есть!

Черныш пожал плечами, не желая ничего признавать.

– Давай, выкладывай! – велел Пин. – Лучше я услышу правду от тебя.

Черныш никогда не перечил Пину, особенно когда тот был в гневе.

– Я сдал Ма Сана. Вот что я сделал. А если б не сдал, то уже умер бы.

Все знали, что Черныш попал в тюрьму за торговлю наркотиками. Его приговорили к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением. Также знали, что Ма Сан состоял с ним в одной банде. Однажды он ударился в бег, а Черныш в это время заботился о пожилых родителях Ма Сана, заслужив репутацию человека чести. Даже когда Ма Сана поймали, он и в камере смертников вспоминал Черныша добрым словом. Пин выбрал Черныша своим подручным именно за его преданность друзьям. Узнав, что тот сдал бывшего товарища, Пин буквально обомлел.

– Ты ведь даже о его родителях заботился... Почему ты так поступил?

Черныш мялся, тщательно подбирая слова.

– Я установил прослушку в доме Ма Сана и купил его отцу телефон, поэтому слышал все их разговоры. Когда меня арестовали, пришлось сдать Ма Сана в обмен на смягчение приговора.

– Ублюдок, – презрительно процедил Пин. – Оказывается, сердце у тебя черное, под стать имени! Твоя жизнь и гроша ломаного не стоит. Встань на колени у двери туалета. Про сон на кровати можешь сегодня забыть.

Черныш послушно выполнил приказ.

Пин снова повернулся к Ду и ровным голосом произнес:

– Выходит, ты довольно много знаешь...

– В конце концов, я был журналистом. Мы умеем вызнавать секреты. К сожалению, я позволил себе в этом деле лишнего, вот и очутился в камере.

Конечно, он солгал. Ду действительно сидел в тюрьме за разглашение государственных тайн, однако сведения о Черныше и других он получил не потому, что работал журналистом.

Пин криво улыбнулся.

– Полагаю, в моем прошлом ты тоже копался?

Ду посмотрел ему в глаза.

– Полное имя – Шэнь Цзяньпин, сорок три года. Уже в двадцать лет был одним из главных криминальных авторитетов Чэнду. Лет десять назад ты утратил влияние, проиграв более сильному сопернику. Он не давал тебе проходу, и в конце концов ты сдался полиции. Ведь тюрьма строгого режима – самое безопасное место в городе, и даже всемогущий босс до тебя здесь не доберется. С тех пор ты держишь в страхе этот тюремный блок и хозяйничаешь здесь как хочешь. Никогда не просил о смягчении приговора и даже несколько раз делал так, что срок увеличивали. Теперь ты на пожизненном. Это не значит, что ты не жаждешь свободы; просто не смеешь покинуть убежище, боишься выйти наружу.

– Верно, – согласился Пин. – Я боюсь, и тут нечего стыдиться. Есть ли еще какие-то унижительные секреты, которые ты мог бы использовать против меня?

Ду отрицательно покачал головой.

– Тогда ладно, – тон Пина стал ледяным. – Сегодня ты оскорбил троих моих братьев. Что бы ни было с ними в прошлом, они все еще мои ребята. Значит, мне нужно защитить свою территорию. Ты нащупал их слабые места, так что я собираюсь выместить зло на руке твоего друга. Думаю, обмен честный...

Он скрутил руку Хана так сильно, что тот застонал, а на его лбу выступили капли пота.

– Держись! – Ду подался вперед.

Пин холодно посмотрел на него.

– Что-нибудь еще вспомнил?

– Если причинишь ему боль, то пожалеешь, – торжественно произнес Ду. – У меня есть новость, которая изменит твою жизнь.

Брат Пин уже знал, что Ду не склонен юлить, поэтому ослабил хватку.

– Какая новость?

Ду подошел ближе и заглянул Пину в глаза.

– Тот пахан, которого ты боишься... Он умер.

– Умер? – Пин округлил глаза. – Как?

– Убит. Теперь ты отпустишь моего друга?

Восторг Пина быстро исчез, и он выкрутил руку Хана еще сильнее.

– Ты лжешь. До него никто не добрался бы!

Ду пожал плечами и указал на Хана.

– Ты можешь спросить его.

Пин схватил Хана за воротник и пристально посмотрел ему прямо в глаза.

– Ты знаешь Дэн Юйлуна?

– Дэн Юйлун? – тупо повторил Хан.

– Дэн Хуа, Мэр Дэн, – встрял Ду.

Остальные сокамерники вздрогнули – это имя им тоже было знакомо.

– Я знаю, кто такой Дэн Хуа, – поспешно ответил Хан. – И да, он мертв.

Глядя на лицо Хана, Пин понял: тот говорит правду. Он глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки, а затем спросил:

– Как он умер? Скажи мне. Не вздумай врать, или я вырву тебе язык!

– Интернет-убийца прислал ему уведомление о смерти, а затем убил в терминале аэропорта. – Увидев, что брат Пин не удовлетворен, Хан добавил: – Это все, что я знаю.

– Интернет-убийца? – Пин повернулся к Ду. – На кого он работал?

Ду выдержал паузу, прежде чем ответить:

– Ни на кого. Одиночка. Убивает преступников, ушедших от наказания.

Пин отпустил Хана и погрузился в размышления. Через некоторое время он покачал головой и вздохнул:

– Внешний мир сильно изменился...

Наконец освободившись, Хан потер распухшее запястье и задумчиво посмотрел на Ду. Когда они разговаривали накануне, Ду как будто ничего не знал об Эвменидах.

– Когда это случилось? – спросил Пин взволнованно.

– Прошлой осенью.

– Уже несколько месяцев прошло, а директор Гао до сих пор не удосужился прислать мне письмо...

Ду усмехнулся.

– Смерть Дэна Хуа дала Гао Дэсэну шанс захватить город. Зачем ему тебе сообщать? Он стал намного сильнее с тех пор, как ты угодил в тюрьму. Прошло больше десяти лет. Думаешь, он все еще считает тебя своим братом?

Пин выглядел удрученным. Тринадцать лет он был отрезан от внешнего мира. Слишком много воды утекло...

Позабыв о недавней стычке, Пин прошел к своей койке, но вместо того чтобы лечь, встал у стены, глядя на окно под потолком. Как и каждую прежнюю ночь, из зарешеченного окошка в камеру лился бледный лунный свет. Однако сегодня вечером этот свет был исполнен особого сияния – печального и волнующего.

Глава 4

Хуа наносит ответный удар

Тюрьма города Чэнду

Капитан Ло Фэй из отдела уголовных расследований прибыл в кабинет начальника рано утром и сидел напротив лысеющего полноватого мужчины средних лет. Комиссар Сун Чжэндун, глава отдела и непосредственный начальник Ло Фэя, хотел обсудить крупное дело о торговле наркотиками.

Около десяти дней назад капитан получил анонимное сообщение о том, что дилер по кличке Хот-Дог взял под контроль распространение новых наркотиков, таких как кетамин и экстази, на севере города. Ло Фэй приказал техникам установить за Хот-Догом круглосуточное наблюдение. Они зафиксировали, как с Хот-Догом связался мужчина с южным акцентом, чтобы продать большую партию. Мужчина вел себя уверенно, словно действовал от лица могущественного покровителя. Понимая серьезность дела, Ло Фэй привлек к расследованию самых способных своих людей.

Южанин и Хот-Дог еще несколько раз беседовали и договорились провести сделку 26 марта в отеле «Триумфальная арка»: мол, если наркотики будут хорошего качества, покупатель на месте заплатит наличными. Ло Фэй расставил людей вокруг отеля, а сам устроился в комнате рядом с той, где должна была состояться сделка.

Как и ожидалось, в назначенное время явились Хот-Дог и южанин, а также трое крепких телохранителей, у каждого в руках чемоданчик. По данным слежки, в одном из этих чемоданов находились наркотики.

Наркодилеры и их клиенты знают, как отвлечь внимание полиции. Южанин ушел в номер один, а трое телохранителей бродили по отелю.

В какой-то момент южанин и Хот-Дог встретились в номере; Хот-Дог протестировал наркотик и, похоже, остался доволен. Боссы приготовилась уходить, оставив своих подчиненных для собственно обмена. И Ло Фэй отдал приказ о начале операции.

Аресты прошли гладко. Ло Фэй со своим отрядом взял и южанина, и Хот-Дога. Тем временем его помощник Инь Цзянь, отвечавший за охрану периметра, схватил остальных подозреваемых. Была лишь одна загвоздка. Ни в одном из трех чемоданов не оказалось наркотиков. Преступники успели спрятать их в тайник где-то в здании.

Хот-Дог смыл образец наркотиков в унитаз, поэтому найти товар было крайне необходимо. Впрочем, товар внесли в отель, и никто из подозреваемых здание не покидал. Рано или поздно тайник найдется.

Вот почему капитан Ло Фэй приказал закрыть отель «Триумфальная арка». Постояльцев и персонал вывели на улицу, затем устроили тщательный обыск. Именно тогда он встретил Хуа и узнал, что отель принадлежит семье Дэн.

Занятый поиском наркотиков, капитан не смог толком поговорить с Хуа. К сожалению, все пошло наперекосяк. За целый день так ничего и не нашли. Наркотики как сквозь землю провалились.

Ло Фэй попытался выбить информацию из подозреваемых. Допросы шли нелегко: преступники были подготовлены, и ни один из них не открывал рта, как бы ни давила полиция. Следствие зашло в тупик.

Капитан Ло Фэй представил отчет начальнику, и лицо комиссара Сун посерело.

– Поиски продолжаются? – спросил он.

- Да. Мы не остановимся, пока не найдем наркотики.
- У нас есть еще месяц. Мы же за месяц управимся?

В подобных случаях разрешалось задерживать подозреваемых на срок до месяца без предъявления обвинений. Если наркотики не найдут, расследование будет закрыто за отсутствием улик. Тогда всех подозреваемых придется освободить.

Тем не менее, каким бы огромным ни было здание, месяца для обыска должно хватить. Однако Ло Фэй не проявлял оптимизма, на который надеялся комиссар.

- Должны успеть. – Капитан нахмурился. – Я боюсь... Здесь может быть что-то еще.
- Что-то еще? – переспросил комиссар.

Ло Фэй решил сказать как есть.

- Вчера мы всю ночь допрашивали подозреваемых. Результаты нас обескуражили...

Комиссар Сун подался вперед. Ло Фэй продолжил:

– Каждого допрашивали по отдельности. Мы испробовали разные психологические тактики – например, кому-то сообщали, что наркотики найдены, что у нас есть доказательства, и первый, кто заговорит, получит меньший срок... Никто из них и бровью не повел!

- Странно...

Комиссар Сун некоторое время молчал. Во время допросов полиция часто манипулировала сопротивляющимися подозреваемыми – тактика, которая редко подводила. Обычно преступники из кожи вон лезли, чтобы с помощью доноса спасти свою шкуру. Откуда же взялся заговор молчания?

- Ну, и что ты думаешь? – спросил он.

Ло Фэй легонько постучал кончиками пальцев по столу.

- Возможно, в отеле нет никаких наркотиков. Поэтому они так уверены в себе.
- То есть наркотики спрятаны где-то в другом месте?

– Мы следили за обеими сторонами, обмен планировался в отеле. Там наркотики и деньги должны были перейти из рук в руки.

- Тогда что ты имеешь в виду, капитан? – растерянно спросил комиссар Сун.
- Если наркотиков в отеле нет, значит, нас провели.

Комиссар Сун растерялся еще больше.

- Провели?

Ло Фэй вдруг изменил тон.

- На месте преступления я встретил одного человека, что натолкнуло меня на гипотезу...
- Кого ты встретил?

– Братца Хуа. «Триумфальная арка» оформлена на имя жены Дэна Хуа, но на самом деле управляет отелем именно он.

Комиссар погладил подбородок.

– Насколько я понимаю, – продолжил Ло Фэй, – в то время, когда произошло преступление, группа «Луньюй» уже находилась под следствием за финансовые махинации. Пока мы оцепили «Триумфальную арку», другие предприятия Дэна одно за другим подвергались нападениям, в результате чего Хуа попал в весьма затруднительное положение.

– Группа «Луньюй»... – Комиссар Сун задумался. – Рейд отдела финансовых преступлений санкционировал тоже я. Мы следили за Дэном Хуа несколько лет и накопили немало улик о нарушениях в «Луньюй».

Ло Фэй молча ждал ответа на очевидный вопрос: если наблюдение велось годами и доказательств достаточно, зачем они столько ждали?

Комиссар объяснил:

– Дело Дэна Хуа непростое. Будь он жив, мы, вероятно, вообще никогда не смогли бы выступить против «Луньюй».

Ло Фэй вздохнул. Многие преступления остаются безнаказанными. Значит, полиция должна благодарить Эвменид за казнь Дэна Хуа? Он пресек эти мысли – Ло Фэй лично отвечал за поимку Эвменид, а теперь нужно сосредоточиться на новом деле.

– По твоим словам, бизнес Дэна Хуа под ударом, – сказал комиссар Сун. – Считаешь, эти случаи связаны?

– Да. Кто-то хочет натравить нас на «Луньюй», чтобы уничтожить остатки империи Дэна Хуа.

– Значит, согласно твоей логике, дело о наркотиках – мистификация? Просто кто-то пытается досадить Хуа?

– Я провел более десяти лет в уголовном розыске, и это объяснение кажется мне наиболее разумным. – Ло Фэй кивнул. – Похоже, замысел в том, чтобы заставить полицию безрезультатно обыскивать «Триумфальную арку». Для бизнеса такого масштаба закрыться на целый месяц означает огромные убытки.

Комиссар задумчиво перевел взгляд наверх, потом снова на Ло Фэя.

– Если так, то кто-то должен дергать за ниточки. Кто?

– Думаю, найти ответ не составит труда, – уверенно сказал капитан. – Видимо, тот, кто надеется занять место Дэна Хуа.

– Хм-м... – Комиссар Сун сплел пальцы. – Что ты намерен делать дальше?

– Я изучу материалы по всем расследованиям и выясню, кто наш кукловод. Надо торопиться, пока он не принес еще больших проблем.

Глаза комиссара Суна блеснули.

– Я знаю братца Хуа, – добавил Ло Фэй. – Когда ему кто-то мешает, он без колебаний наносит ответный удар. Если сидеть сложа руки, боюсь, добром это не кончится.

– У тебя есть план?

– Я хочу прекратить обыски в «Триумфальной арке», они в любом случае отнимают слишком много времени. Отпустим подозреваемых, но будем внимательно за ними следить. Немного везения, и вскоре я узнаю, кто организатор.

– И чего ты рассчитываешь добиться?

– По крайней мере, мы будем контролировать битву между двумя группировками. Более того, можем накопать что-нибудь на самого Хуа.

– Отставить, – приказал комиссар Сун. – Обыски пока не прекращать. Нужно прочесать каждый сантиметр здания. В деле о наркотиках ошибки недопустимы.

Ло Фэй выглядел недовольным, однако подчинился:

– Понятно.

– Конечно, я этот разговор не забуду, – добавил комиссар Сун. – Если борьба за власть перерастет в физическое насилие, я задействую ребят из Бюро общественной безопасности.

Ло Фэй кивнул. Бюро действительно должно привлекаться в подобных случаях. Увы, его сотрудники не имели права действовать упреждающе – приходилось ждать повода, чтобы вмешаться.

Остался еще один важный вопрос.

– Пока мы ищем кукловода, надо соблюдать осторожность в отделе.

Брови комиссара взлетели вверх.

– Думаешь, произошла внутренняя утечка?

– План тщательно продуман. Мы вышли на наркодилера как раз в тот момент, когда отдел финансовых преступлений начал расследование против «Луньюй», и вряд ли это совпадение.

– Понятно. – Комиссар Сун помолчал. – Я буду следить за ситуацией. Что ж, теперь возвращайся к работе.

– Есть, комиссар! – Ло Фэй отдал честь и ушел.

* * *

Когда Хуа снова открыл глаза, уже наступил день. Он услышал шум, доносящийся из кухни, и почувствовал аппетитный аромат. На кухне у плиты возилась Мин-Мин, готовя яичницу.

– А, проснулся, – сказала она.

– Что ты делаешь? – Хуа впервые так встречал утро.

– Готовлю завтрак, конечно. – Она ткнула пальцем в холодильник. – Там есть молоко, бери.

– Откуда у тебя молоко и яйца?

– Купила. Откуда же еще?

Хуа покачал головой и вышел из кухни. В гостиной он отдернул шторы и выглянул на улицу. С верхнего этажа был виден почти весь город.

В гостиную вошла Мин-Мин.

– Завтрак подан! Приятного аппетита. – Девушка поставила перед ним тарелку и улыбнулась.

Хуа сунул в рот сразу целое яйцо. Неплохо.

– Где ты научилась?

Склонив голову, она одарила его ослепительной улыбкой.

– Разве не все девушки умеют готовить?

– Я думал, девушки... – Он замялся. – Девушки с такой работой... другие. Не ожидал, что ты любишь хлопотать по дому.

– Думаешь, мы из низшего класса? Паразиты?

Хуа молча открыл пакет с молоком и налил себе стакан.

– Многие так считают... – Мин-Мин вздохнула. – Но я совсем не такая. Профессию я не выбирала. Родители умерли, остался младший брат, он хочет поступить в университет...

– Достаточно, – перебил Хуа. – Я вдоволь наслушался слезливых историй.

Мин-Мин закусил губу.

– Может, другие и сочиняют истории. А моя настоящая.

– Плевать.

Его взгляд скользнул к ее груди. Покраснев, Мин-Мин посмотрела вниз: на рубашке Хуа красовалось большое жирное пятно.

– Прости, – пробормотала она, смущенно теребя волосы. – Я не смогла найти фартук.

– Эта рубашка стоит больше тысячи юаней, а ты используешь ее вместо халата.

– Вся моя одежда по-прежнему в отеле.

Хуа задумчиво посмотрел на девушку.

– Что такое? – Его взгляд показался Мин-Мин холодным.

– Ничего. – Он отвернулся. – Я отведу тебя в магазин. Купим тебе пару нарядов поприличней.

– Правда?

– Но тебе придется кое-что для меня сделать.

– Без проблем.

Он поднял бровь.

– Даже не спросишь, что именно?

– А зачем? – Девушка пожала плечами. – Я сделаю все, о чем ты попросишь.

– А если я попрошу кого-нибудь убить? – полушутя спросил Хуа.

Она колебалась только мгновение.

– Я бы согласилась.

– Почему?

– Мне часто говорили, что мир нужно делить на друзей и врагов. Так что если я могу тебе помочь, то помогу. – Мин-Мин просияла. – Я хочу быть твоим другом. По-моему, ты хорошо относишься к своим друзьям.

Хуа улыбнулся ей в ответ. Добрая искренняя улыбка редко появлялась на его лице.

* * *

В это же время на другом конце города проснулся молодой человек. Все еще с затуманенными глазами, не совсем трезвый.

Он жил не в шикарной квартире, а в ветхом доме, где царили вечная сырость и запах плесени. Впрочем, молодой человек и не мечтал о роскоши, а хотел лишь заработать на жизнь собственным тяжелым трудом.

Три года назад он приехал в Чэнду из деревни – пятый по возрасту среди стайки деревенских парней, поэтому все называли его Пятым. Прозвища он стыдился и дал себе слово завоевать всеобщее уважение. Через три года он своего добился. Теперь его имя произносили с благоговением.

Все знали, что Пятый безжалостен. Он не боялся ни смерти, ни людей. К нему стали приходиться просители, каждый со своими проблемами. Начав с мелких бандитских разборок, потом он собирал долги и следил за порядком на улицах. А неделю назад за ним прислал очень важный человек.

Директор Гао Дэсэн. Имя, хорошо известное в преступном мире. Гао устроил банкет для Пятого и его банды, угощал вкусной едой и прекрасным вином, затем предложил Пятому шанс забраться еще выше.

Войдя в «Город грез», Пятый был готов к худшему и не чувствовал страха. Когда соперник Гао, братец Хуа, появился лично, Пятый лишь продолжал потягивать пиво, за которое сам заплатил. От выпивки за счет заведения он отказался. Правила преступного мира нарушать нельзя. Пятый уже пил за счет Гао Дэсэна. Если б он принял байцзю от Хуа, яд развел бы его тело и его репутацию. А если он утратит репутацию, то вернется к тому, с чего начал, и на него опять будут смотреть свысока.

Итак, Пятый знал, что ему можно только неприязненно глядеть на противника и потягивать пиво. Менее чем за полдня весть о происшествии разнеслась по городу.

В ночь, когда Пятый покинул «Город грез», его ждали друзья. Они настояли на том, чтобы отпраздновать событие, и он был не против, чувствуя, что достоин такого обращения.

Пятый так напился, что даже не помнил, как вернулся в свое обшарпанное жилище. Проснувшись, еще полежал в постели, чтобы насладиться ослепительным солнечным светом, льющим через окно, обдумывая, где бы позавтракать. В конце концов, вчера он ничего не ел, кроме картофельного салата.

В дверь постучали.

– Кто там? – крикнул он, мгновенно насторожившись.

– Доставка, – раздался голос. – Друг купил вам завтрак.

Пятый расслабился.

– Подождите.

Он натянул брюки и подошел к двери. Снаружи стоял мужчина в униформе курьера. Он передал Пятому бумажный пакет.

– Что там? – небрежно спросил Пятый.

– Ваше любимое блюдо, – сказал мужчина, загадочно улыбаясь.

Решив, что в пакете гамбургер, Пятый извлек его содержимое. Что-то круглое, размером с кулак. Картофелина, с налипшей грязью, как будто ее только что выкопали из земли. Пятый оторопел.

– Кто это прислал?

– Не любишь картошку? Доставили до двери – чем ты недоволен?

В поле зрения появилась еще одна фигура – бледный худощавый парень с темными озорными глазами.

Пятый уже где-то его видел. Потребовалось время, чтобы вспомнить: Ма Лян, управляющий ресторана «Город грез». Пятый унял свой гнев и изобразил улыбку.

– Я люблю картошку, но есть ее предпочитаю в «Городе грез», с пивом.

– Хватит болтать, – выплюнул Ма Лян. – Бин, накорми убудка.

Человек по имени Бин, по-прежнему широко улыбаясь, занес кулак.

Пятый не растерялся. Он нырнул в сторону и поднял руку, чтобы заблокировать удар, одновременно выставив ногу. Бин шагнул вперед, выдержал подсечку и втянул Пятого в ближний бой. Хотя Пятый был крупнее, это не давало ему особого преимущества в узком коридоре.

Улучив момент, Ма Лян бросился между ними и ударил Пятого в живот, выбив из него весь воздух. Пятый издал стон и согнулся пополам.

Бин втолкнул его обратно в квартиру; Ма Лян последовал за ними и закрыл за собой дверь.

– Мы тебе доставку организовали, а ты нос воротишь! – гаркнул он.

Пятый уставился на Ма Ляна.

– Забей меня до смерти, если можешь, или жди, когда я тебя урою, – прорычал он между вдохами.

– Выбор только такой? Тогда я дам тебе то, чего ты хочешь.

Кулак Ма Ляна угодил прямо в висок. На сей раз Пятый не издал ни звука и осел на пол.

– Ты не убил его, а? Братец Хуа сказал не добавлять ему неприятностей.

– Я знаю, что делаю, – буркнул Ма Лян. – Очухается через десять минут. Засеки время, если не веришь.

Бин вздохнул и достал веревку, чтобы связать Пятого. Вскоре тот и впрямь открыл глаза. Ма Лян тут же сунул картофелину ему в рот.

– Любишь картошку, урод? Давай, ешь!

Пятый не мог сопротивляться; пока он сообразил, что происходит, половина картофелины уже была у него во рту – твердая, холодная, покрытая комьями грязи. Он отплевывался, выкрикивая ругательства.

Ма Лян взглянул на Бина.

– Эй, помоги-ка мне.

Бин поднял ногу и ботинком вдавил картофелину в рот Пятого. Тот инстинктивно отпрянул, подошва угодила ему в нос. На мгновение перед глазами потемнело, по лицу потекли слезы.

– Ешь давай! – Ма Лян нажал на подбородок Пятого. – Еще один удар – и будешь безглазым.

Пятому оставалось только беспомощно смотреть, как снова опустилась нога Бина. Картофелина оказалась полностью во рту. Бин добавил еще несколько ударов кулаком. Рот у Пятого был широко раскрыт, глаза выпучены, однако он не мог издать ни звука.

– Ну как? Нравится картофельный салат в «Городе грез»? – Ма Лян хмыкнул и повернулся к Бину. – Где камера? Сделаем фото на память.

Бин открыл поясную сумку и вытащил фотоаппарат, любезно поясняя Пятому:

– Когда известные люди обедают в «Городе грез», они всегда фотографируются с нашим управляющим. Ты, наверное, сам видел снимки на стене. Сегодня тебе повезло, ты тоже получишь фото.

– Хватит трепаться, – оборвал его Ма Лян. – Быстрее. Приведи его в порядок.

– Конечно, – сказал Бин. – Нельзя же сниматься без рубашки, это вульгарно... К счастью, управляющий все предусмотрел. Видишь, даже принес тебе кое-что из одежды.

Бин снова полез в свою сумку, и Пятый побагровел от гнева, когда увидел женский топ на тонких бретельках и мини-юбку. Бин грубо натянул их на Пятого – разумеется, тот выглядел нелепо.

– Что думаешь, Ма? – спросил Бин.

Ма Лян осмотрел свое творение.

– Чего-то не хватает...

– Сейчас исправим. – Глаза Бина блуждали по комнате, пока он не заметил на прикроватной тумбочке коробку с салфетками. Скомкал несколько салфеток и набил ими лиф Пятого.

Ма Лян злобно улыбнулся.

– Неплохо... Скажи «сы-ы-ыр»!

Бин поднял камеру и сделал снимок. Пятый лежал с картофелиной во рту, связанный по рукам и ногам, и молча кипел от ярости.

Он потерпел полное фиаско. Враги отняли у него самое ценное – достоинство.

Ма Лян понял, что творилось в голове Пятого. Он похлопал его по плечу и успокоил:

– Слушай, братец Хуа знает, что ты хороший человек, поэтому мы не хотим доставлять тебе неприятности. Мы сохраним эти фотографии для частной коллекции. Они не появятся на стене в «Городе грез». Ну, по крайней мере, пока.

В глазах Пятого засветилась слабая надежда. Ма Лян посмотрел на него.

– Нам с тобой в этом городе тесновато. Завтра ты уедешь отсюда и обоснуешься где-нибудь еще. Но если снимки увидят свет... Тогда вернешься в деревню и будешь работать в поле, да?

Пятый сглотнул. Слюна, смешанная с грязью, была горькой.

Ма Лян с довольной улыбкой ослабил узлы на веревках, затем встал и спокойно ушел.

21:06

Ночной клуб «Лунный дворец»

Ночь только начиналась. Музыка гремела, мужчины и женщины прекрасно проводили время, наслаждаясь танцами и алкоголем.

В северо-восточном углу танцпола сидела за столиком стройная элегантная девушка. Огни вспыхивали и гасли, освещая ее изящную фигуру.

Мужчины, разумеется, обращали на нее внимание, в том числе компания у барной стойки. Судя по одежде, это были отпрыски богатеньких родителей, которым нечем заняться. Все пришли в клуб со спутницами, кроме одного – высокого парня с короткой стрижкой. Остальные начали подкалывать его, призывая пойти и поболтать с одинокой девушкой.

Привыкший к выходкам друзей, парень, усмехнувшись, взял пару бутылок пива и направился к ней. Девушка не заметила его или, по крайней мере, сделала вид, что не заметила. Она сидела, закрыв лицо руками, угрюмо глядя на кружащиеся на танцполе силуэты.

– Эй, красотка, не против, если я здесь присяду? – спросил Стриженный.

Она подняла темные глаза и кивнула, не говоря ни слова. Он придвинул к ней стул, чтобы сесть рядом, а затем показал друзьям большой палец.

Девушка, словно только заметив, что рядом незнакомец, немного отстранилась. Стриженный поставил перед ней пиво.

– Это тебе.

– Спасибо. – Она отодвинула бутылку. – Я не пью.

Парень обернулся – друзья хихикали и перешептывались, явно ожидая его поражения. Взяв себя в руки, он спросил:

– Принести тебе что-нибудь еще?

– Незачем. Если я захочу выпить, закажу сама.

Он все-таки позвал бармена и попросил апельсиновый сок. Девушка возмущенно отвернулась.

Парень провел рукой по стриженным волосам, размышляя, не пора ли отступить. Затем, отбросив сомнения, пододвинул к ней стул поближе и прошептал на ухо:

– Тогда назови цену. Сколько?

Она изумленно посмотрела на него.

– Что?

Он ухмыльнулся.

– Да брось. Давай, сколько стоит одна ночь у меня?

– Идиот! – Она вскочила.

Со стороны барной стойки донесся взрыв смеха. Кто-то даже засвистел. Стриженный схватил девушку за запястье и усадил обратно на стул.

– Что ты делаешь? – Она боролась, но ее сил не хватило, чтобы вырваться.

– Я же вежливо спросил. Садись! – Его лицо стало свирепым, а тон угрожающим.

Девушка беспомощно озиралась по сторонам. К ним подошел хорошо сложенный мужчина средних лет. Стриженный при виде него просто опустил руку девушки под стол.

– Что происходит? – произнес мужчина.

– А тебе какое дело? – спросил Стриженный. – Мы друзья.

Девушка возразила:

– Нет, неправда. Я его не знаю.

Мужчина наклонился к Стриженному и твердо сказал:

– Отпусти ее.

– Да пошел ты! Куда лезешь? Проблем захотел?

– Знаешь, на чьей ты территории? – небрежно спросил мужчина. – Как ты смеешь мне тут сцены устраивать?

– Мне до лампочки, чья это территория. Может, лучше спросишь, кто я такой? – Стриженный напрягся и повысил голос, надеясь, что услышат друзья. Парни у стойки действительно обратили внимание на шум, и трое из них подошли к Стриженному, что придало ему смелости.

– Убирайся! – завопил он.

Мужчина молча смотрел на него. Один из парней, идущих к ним, встретился взглядом с мужчиной и замер.

– Братец Лун?

Это действительно был он. Управляющий «Лунного дворца», открытого с помощью директора Гао.

Учитывая обстоятельства, последние пару ночей Лун являлся в клуб лично. Стол, за которым сидела девушка, оказался прямо под камерой слежения. Обычно он прислал бы пару охранников, однако сегодня пришел сам, потому что заинтересовался девушкой.

Что касается мелких хулиганов, то на них он тратить время не хотел. Теперь, когда они его узнали, достаточно было только кашлянуть и прищуриться.

– Вы еще здесь?

Молодежь тут же как ветром сдуло.

Повернувшись к девушке, Лун спросил:

– Ты не пострадала?

Она благодарно улыбнулась.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Люди тут попадают разные, такой красивой девушке нужно быть осторожной. – Лун опустил на стул рядом с ней. – Ты здесь одна?

– Нет, с другом. – Видя разочарование Луна, девушка быстро добавила: – С подружкой.

– И она тебя бросила?

– Танцует с каким-то парнем, ей не до меня. – Девушка вздохнула. – Я пришла за компанией. Ей нравятся такие заведения. А я все не привыкну.

– Неудивительно. Ты не похожа на любительницу клубов.

Она смущенно оглядела свою одежду.

– Думаешь, я недостаточно стильная?

На ней была белая кружевная блузка и узкая черная юбка. Лоб прикрывала аккуратная челка, длинные волосы ниспадали на плечи. Образцовая студентка.

– Ты элегантна, такой стиль тебе очень идет. Только для клуба он не подходит. Здесь полумрак, поэтому нужны более яркие макияж и одежда, чтобы привлечь мужчин.

Она пожала плечами.

– Зачем их привлекать? Мне это неинтересно.

– Странно... Как тебя зовут?

– Цзин. А тебя, кажется, называли Луном?

Он кивнул.

– Почему они испугались? – спросила девушка, склонив голову.

Лун рассмеялся.

– Узнаешь. – Нарочито расплывчатый ответ, чтобы ее не отпугнуть. Кроме того, атмосфера таинственности наверняка заинтригует девушку. Она уже смотрела на него с любопытством.

– Позволь тебя угостить, – предложил Лун.

– Я не пью. – На этот раз отказ звучал гораздо мягче.

– Я попрошу бармена приготовить особый коктейль. Что-нибудь мягкое и сладкое, можно даже без алкоголя. Попробуй, вдруг понравится...

Он не давил слишком сильно, и ее настороженность испарилась.

– Хорошо.

По взмаху руки к ним подбежал бармен. Лун прошептал ему что-то на ухо, и тот поспешил прочь, а вскоре вернулся с подносом, уставленным разными коктейлями всевозможных цветов.

– Зачем так много? – спросила девушка.

– Я не знал, какой тебе понравится, поэтому велел принести лучшие коктейли, чтобы ты попробовала все.

– Тогда и ты давай. Я пить не умею, мне столько не осилить.

– Нет, эти коктейли не для мужчин. – Лун обратился к проходившему мимо официанту: – Принеси мне бутылку виски.

Официант вернулся быстро.

– Когда двое встречаются случайно – это знак судьбы. Вот, тост за знакомство!

Девушка выбрала самый яркий коктейль. Она отхлебнула совсем немного, а Лун мгновенно осушил свой стакан и перевернул его вверх дном.

– Смотри, я свой выпил, а он крепче твоего.

Теперь она чувствовала себя обязанной допить коктейль – к счастью, сладкий и приятный на вкус.

– Ну, как? – спросил с улыбкой Лун.

– Неплохо.

– Я знал, что тебе понравится. В них мало алкоголя, даже меньше, чем в пиве, так что ни о чем не волнуйся. Просто пей. – Он выбрал для нее еще один бокал. – Попробуй этот. В нем свежавыжатый сок, улучшает цвет лица.

– Хорошо. – Цзин взяла стакан и на мгновение задумалась. – Теперь я скажу тост. Спасибо, что избавил меня от того грубияна.

Лун с радостью налил себе еще стакан. Когда девушка допила второй коктейль, по ее бледным щекам разлился слабый румянец. Лун заметил это и втайне обрадовался.

Глаза девушки затуманились, она стала разговорчивой. Теперь Лун подключил навыки флирта, отточенные годами. Его стратегия состояла главным образом в том, чтобы увлечь ее беседой и почаще произносить тосты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.